

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

«195 ЛЕТ ТУРКМАНЧАЙСКОМУ ДОГОВОРУ –
ВЕКА МИРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ»

LEGITAS

Сборник статей
Елена А. Шуваева-Петросян
Материалы международной
научно-практической
конференция «195 лет
Туркманчайскому договору
– веха мировой дипломатии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69606340

Материалы Международной научно-практической конференции «195 лет Туркманчайскому договору – веха мировой дипломатии»: Ереван; 2023

ISBN 978-9939-0-4500-9

Аннотация

20 февраля Русский дом в Ереване (представительство Россотрудничества в Армении) при содействии Института востоковедения РАУ, Издательства электронных книг Aegitas и Объединения ветеранов Республики Армения провел Международную научно-практическую конференцию «195 лет Туркманчайскому мирному договору – веха мировой дипломатии».

Работа конференции была организована по следующим основным направлениям:

- внешняя политика государств в первой половине XIX века;
- ключевые вехи Русско-персидской войны 1826–1828 годов;
- заключение Туркманчайского мира и его значение в мировой истории, а также в жизни народов Закавказья;
- жизнь и деятельность непосредственных героев Русско-персидской войны 1826–1828 годов, в частности, Ивана Паскевича, Александра Грибоедова, Валериана Мадатова, Афанасия Красовского, Иосифа Реутта и др.

В конференции приняли участие научные сотрудники, преподаватели, учителя, аспиранты, соискатели, магистранты, студенты и другие заинтересованные лица из Армении и России.

Содержание

Приветствие	8
Об одном документе о переселении армян на исторические земли, составленном И.Ф. Паскевичем	10
Подготовка туркманчайского мира	25
Участие декабристов в освобождении Восточной Армении и присоединении ее к Российской империи	38
Армения в парадигме восточнохристианской цивилизации: новые вызовы	54
Изучение биографии А.С. Грибоедова как способ актуализации знаний о себе и других	63
Печати российских властей и управлений Армянской области до и после Туркманчайского договора (1827–1841 гг.)	81
Армянские земли в административно-территориальном устройстве Персии до Туркманчайского договора	93
История рода атабекианов в эпоху русско-персидских войн и сегодня	105
Самобытная российская цивилизация	123
Северо-восточное Причерноморье в орбите осmano-российских противоречий первой трети	130

Елена Шуваева

Материалы

**Международной научно-
практической конференции
«195 лет Туркманчайскому
договору – веха
мировой дипломатии»**

© Шуваева Е. А., 2023

© Авторы, 2023

© Российский центр науки и культуры в Ереване, 2023

© Издательство электронных книг Aegitas

Организатор конференции:

Русский дом в Ереване (Россотрудничество в Армении)

Партнёры конференции:

Институт востоковедения Российско-Армянского университета

Издательство электронных книг Aegitas

Объединение ветеранов Республики Армения

LEGITAS

Приветствие

195 лет назад между Российской империей и Персией был подписан Туркманчайский мирный договор, ставший важной вехой как в истории России, так и Армении. Благодаря ему появился шанс восстановления армянской государственности и воссоединения армянского народа.

Конечно, этому великому событию способствовал долгий путь борьбы, которая началась еще со времен Петра Первого и Исаэла Ори, первого Кавказского похода и была продолжена целой плеядой отважных полководцев.

В 2022 году мы отметили юбилеи генералов Ивана Паскевича, Валериана Мадатова, Петра Котляревского и, конечно, 195-летие Ошаканской битвы и освобождения Эриванской крепости. История армяно-российской дружбы сохранила имена полководцев Российской императорской армии, как русских, так и армян. Но сегодня мы сталкиваемся с вызовом, когда нашу общую историю борьбы за мир, созидательность и блистательные победы пытаются предать забвению и переписать.

Конференция к 195-летию подписания Туркманчайского договора и участие таких известных историков, которые сегодня собрались на площадке Русского дома в Ереване, это наш общий шаг к сохранению великой истории наших народов и наша борьба за справедливость.

*В.П. Фефилов,
руководитель представительства Росотрудничества в
Армении*

Об одном документе о переселении армян на исторические земли, составленном И.Ф. Паскевичем

Шуваева Елена Алексеевна,

специалист историко-мемориальных проектов Русского дома в Ереване (Россотрудничество в Армении),

преподаватель в Иджеванском филиале ЕГУ

lena478@mail.ru

Ключевые слова: Туркманчайский мирный трактат, Иван Паскевич, Николай I, Александр Грибоедов, Эриванская крепость, переселение армян, переписка, архивные документы

13 октября 1827 года, когда войска Российской императорской армии, армянские добровольцы и ополченцы, включая крестьянские массы, под командованием генерала Ивана Паскевича освободили от персов Эриванскую крепость и, соответственно, город, без преувеличения можно считать первым камнем, заложенным в фундамент возрождения самостоятельной армянской государственности, утраченной еще в XI веке, создания условий национальной консолидации.

Эта победа – заслуженный, выстраданный и выложенный многочисленными жертвами, итог двух русско-персидских войн – 1804–1813 и 1826–1828 годов. Летопись этих войн

сохранила много имен героев – офицеров и простых солдат, а также военачальников, среди которых стоит особо выделить генерала от инфантерии Павла Цицианова, который еще в июне 1804 года нанес поражение персам и осадил Эривань, но в сентябре, из-за нехватки продовольствия и сил, вынужден был снять осаду и отступить. После него были и другие талантливые и отважные главнокомандующие, но довершил дело освобождения Эриванской крепости (1827) блестящий полководец – генерал Иван Паскевич.

Принимал участие в освобождении армянского народа из-под персидского ига и разработке ключевых условий выгодного для России и армянского населения Туркманчайского мирного трактата (1828) и дипломат Александр Грибоедов (будущий министр-резидент России в Персии), который, по поручению Паскевича, доставил в Петербург императору Николаю I донесение о заключении мира. Паскевич в послании отмечал, что Грибоедов в ходе «мирных переговоров оказал в дипломатических сношениях особенное искусство, и я считаю себя обязанным некоторым мыслям им представленным и основанным на познании характера министерства персидского, успешному окончанию этот важнейшего дела» [1]. Непосредственно Николаю I Паскевич докладывал о дипломате следующее: «Я осмеливаюсь рекомендовать его, как человека, который был для меня по политическим делам весьма полезен. Ему обязан я мыслью не приступать к заключению трактата прежде получения вперед части

денег; и последствия доказали, что без сего долго бы мы не достигли в деле сем желаемого успеха» [1].

Грибоедов сыграл большую роль в получении от Персии огромной по тем временам контрибуции – 20 млн рублей серебром, чтобы покрыть военные издержки. Согласно Туркманчайскому договору, была установлена граница по реке Аракс, а Эриванское, Нахичеванское ханства и Ордубадский округ окончательно перешли Российской империи. Персидское правительство обязывалось не препятствовать свободному переходу всем желающим «из Персидских областей в Российские», вывозу и продаже движимого имущества [2, с. 222]. «Относительно же имения недвижимого определяется пятилетний срок для продажи онаго или учения произвольных об оном распоряжений» [2, там же].

Таким образом, армяне, насильственно переселенные в Сефевидский Иран шахом Аббасом I в 1603–1605 годы, а также во время войн XVIII и XIX веков, получили возможность вернуться на историческую родину. Проходило это не без препятствий: Персидское шахское правительство, под шумок разразившейся очередной Русско-турецкой войны (1828–1829), надеялось уклониться от выполнения договора, Англия и ее агенты в Персии разжигали антирусские настроения, а турецкие власти, чтобы помешать переселению армян в Восточную Армению, отправляли в армянские села вооруженные отряды курдов, о чем свидетельствует запись главнокомандующего Паскевича в журнала воен-

ных действий Отдельного Кавказского корпуса [3] и другие источники.

Стоит отметить, что персов, турков-османов и «неумиротворенную» Европу беспокоил факт боевого содружества русского и армянского народов. Армяне служили в Российской императорской армии, к которой присоединялось все больше и больше добровольцев, организовывались национальные боевые отряды, ставилась задача превращения их в регулярные национальные войсковые подразделения. Добровольческие армянские дружины и их боевые успехи, вовлеченность крестьян, которые, вооружившись орудиями труда, организовывали свои отряды и присоединялись к армии, стали большой поддержкой немногочисленным русским войскам в Закавказье. Также история сохранила случаи, когда насильственно завербованные в персидскую или турецкую армию армяне обращали оружие против угнетателей и поработителей своих исторических земель.

Чтобы утвердить армянское национальное образование в составе Российской империи была выбрана областная форма. Следуя чаяниям армянского народа, 21 марта 1828 года император Николай I санкционировал создание Армянской области, в которую были включены Эриванский и Нахичеванский уезды и Ордубадский округ. Примечательно, что у области появился свой герб. «В составе областного правления были определены три отдела: исполнительный полицейский, судебный и финансово-экономический. Руководство

каждым отделом возлагалось на советника – члена правления. В городах Эривани и Нахичевани учреждались городские управления и уездные суды» [4, с. 141].

Большую роль в деле возрождения Армении сыграли братья-миллионеры Лазаревы – Иван, Христофор и Лазарь. «В Азиатском департаменте на Христофора Лазарева были возложены обязанности по составлению обзоров о ходе русско-персидской войны» [5, с. 71], позднее, за успешную служебную деятельность, он был пожалован чином статского советника. Именно полковнику Лазареву, снискавшему уважение в Российской империи и пользующегося доверием армянского населения, было поручено препровождение армян на исторические территории Араратской страны, а в качестве помощников выступили полковник князь Моисей Аргутинский (Мовсес Аргутян), майор Иванэ Меликян, майор Исак Гомазян, Давид и Александр Корганяны и еще несколько почетнейших граждан.

Генерала Паскевича очень беспокоила судьба армян-переселенцев. В рапорте от 26 мая 1828 года начальнику Главного штаба генералу Ивану Дибичу он пишет: «Зная, с какими затруднениями сопряжено перемещение большого числа переселенцев, особенно без предварительных к тому приготовлений и способов, в страну скудную местными пособиями и опустошенную войною, я не мог не предвидеть всех неудобств, неизбежных при переселении в наши области нескольких тысяч семейств христиан», «по заключении

в Туркменчае мирного тракта и по возвращении в Тавриз известился я о совершенной бедности переселяющихся христиан, и что они без денежных пособий со стороны российского правительства подвергнутся неминуемым бедствиям при переходе в наши границы, узнал также твердое намерение их приступить к переселению, которое они сделали гласным, оставляя все выгоды, приобретенные ими в Персии от сельского хозяйства, недвижимое имущество и даже часть движимого, по неудобности взять с собою» [6].

В Армянской области Паскевич учредил особый комитет по переселению христианского населения и «отчислил на первой раз 50 тыс. руб. серебром, дабы из сей суммы выдаваемо было денежное пособие совершенно бедным семействам в виде займа» [6]. Состоятельные «поселяне же будут наделены удобною землею в достаточном количестве и освободятся от податей на 6 лет, а от земских повинностей на 3 года», «семействам или целым селениям, которые готовы будут к переселению, давать открытые листы для безопасного следования и охранные листы для освобождения от податей и повинностей по прилагаемой здесь форме» [7].

Христофору Лазареву для сопровождения переселенцев была отпущена сумма в 25 тысяч рублей, чтобы «снабжать прогонеми по числу верст, полагая по 2 коп. серебром на версту, Штаб-Офицеров на 3, а Обер-Офицеров на 2 лошади, поелику же по большей части лошадей должно будет нанимать по вольным ценам; а сверх того Штаб и Обер-Офи-

церы при разъездах будут иметь и другие расходы, по недостаточному состоянию для них тягостные, то из сей же суммы предоставляю вам выдавать для всех таковых издержек Штаб-Офицерам по 30, а Обер-Офицерам по 20 руб. в месяц серебром [7].

На пожалованную денежную ссуду переселенцы могли купить или нанять вьючный скот и перевезти хотя бы часть своих пожитков. Лазарев и офицеры, сопровождавшие переселенцев, уступали собственных верховых лошадей и сами шли пешком.

Главкомандующий Паскевич понимал, что «заселение лежащих впусе на границе земель народом покорным, трудолюбивым и преданным нам по вере может принести большую пользу» [6]. Таким образом, согласно сведениям полковника Лазарева, было переселено около 5000 армянских семей, которых необходимо было продовольствовать, что было очень сложно за счет казны, учитывая нехватку хлеба (земли были истощены войнами, всякий излишек шел на поддержку войск), а война с Турцией препятствовала «сделать закупку хлеба в соседственных пашалыках, оным изобилующих», «персияне так же неохотно позволяют покупать хлеб в областях, им принадлежающих» [6]. В придачу ко всему разразилась чума.

Русско-турецкая война 1828–1829 годов закончилась подписанием Адрианопольского мира 14 сентября. Эту победу, учитывая истощение армии после русско-персидской вой-

ны, можно назвать торжеством русско-армянского воинского братства: более двух тысяч армян Баязета сражались вместе с русскими солдатами, в Арзруме навстречу русским вышло все христианское население вместе со священником, а в Карсе из армян был составлен конный батальон, который охранял границы.

После подписания Адрианопольского мира в российские пределы переселились приблизительно 13000 семейств. Согласно исследованию В.Г. Туняна, «из Турции перешло 90 тысяч выселенцев: 83 тысячи армян и 7 тысяч греков, где каждому семейству было выделено пособие в 25 рублей серебром», а общее число переселенцев после Туркманчайского и Адрианопольского мирных договоров «из Персии исчислялось в 21000 семейств, что, в пересчете семьи на пять человек, составляло около 105000 душ» [5, с. 143].

В историческом формате обустройства переселенцев крайне важно письмо – обращение Главнокомандующего Отдельным Кавказским Корпусом генерал-адъютанта графа Паскевича-Эриванского к Его Императорскому Величеству Николаю I 10 октября 1829 года, которое упоминается во многих исследованиях и источниках со ссылками на цитирования, но нигде не публикуется полностью.

Русский дом в Ереване поставил задачей найти это историческое свидетельство. Для этого была проделана большая работа в Национальном архиве Армении, Российском государственном историческом архиве, Российском государ-

ственном военном архиве, Архиве Внешней политики Российской империи, Доме-музее Ивана Паскевича в Гомеле и других. Итогом поисков стало факсимиле письма из Российского государственного военно-исторического архива, в котором Паскевич обратился к Императору с просьбой «даровать право обратиться на сие благотворительное пособие 100 тысяч червонцев, кои отпущены были в распоряжение мое для привлечения к нам курдов и содержания их, и из коих, по причине счастливого оборота дел наших, израсходована только самая малая часть, именно до 10.000 червонцев». Цитируем документ: «Для сего дерзаю напрашивать Всемилостивейшего соизволения Вашего Императорского Величества на дарование мне права назначить семействам сим под поселение земли в Греции и Армянской области, в случае же если они недостаточными будут для вмещения их, то и в Кавказской области. Хотя первоначальное с их и потребует значительных издержек, но оныя (те самые) безсомнения в последствии изобильно вознаграждены будут теми выгодами, каковые ожидать должно от промышленного и трудолюбивого класса сего. Пособия переселенцам, по мнению моему, достаточны будут в круглом счете по 25 рублей серебром на каждое семейство, что составит миллион рублей ассигнациями для всего переселения». Император Николай I выразил согласие.

Прилагаем к докладу факсимиле вышеуказанного письма:

Ее Императорскому Величеству

Ваше
 Императорское
 Величество

Платокавалеруша Отдѣльный Кавказ-
 ский Корпусъ, Генерал-Артиллеріи
 Графа Пашкевича - Армянскаго

Панорты.

Миръ, который благодѣно было Вашему Императорскому
 Величеству даровать Перми, привлекъ Августѣйшему и Импе-
 ратрицѣ Вашей благоволеніи столько милліонъ людей; но поудѣи счаст-
 ливой радости, зрѣвъ от Азии отъѣтъ о силъ миръ погрѣшила от оправ-
 ливѣе чиниѣи хаетъ пароза, замиришающаго наше чаети и прога-
 ритивѣиши отъѣтъѣиши своиѣи, и попытани чарѣѣи въ чаетѣиши
 орудиѣи Войтѣишаго, и франкаѣи вѣдѣиши, которая снѣдѣиши его
 снѣиши погрѣиши мѣишиши дѣишиши Вашего Император-
 скаго Величества неоснѣишиши отъѣиши чаетѣиши отъѣишиши
 снѣишиши снѣишиши.

Во снѣиши отъѣишиши странѣиши, зрѣиши Артиллеріи столько отъѣишиши
 чиниѣиши было неправѣишиши игоиши, Азияи Вашего
 Императорскаго Величества, не мѣишиши опасѣишиши
 неправѣишишиши дѣишишиши со стороны населѣиши Армянскаго

Императора Николая I называли христианским романтиком, его волновала судьба не только империи, властителей, но и простого народа, как и близкого ему по духу военного советника Паскевича, с которым он состоял в тесной переписке. Позднее, уже в 1836 году, император писал Ивану Федоровичу о своем мировосприятии: «Кажется мне, что среди всех обстоятельств, колеблющих положение Европы, нельзя без благодарности Богу взирать на положение нашей матушки России, стоящей как столп и презирающей лай зависти и злости, платящей добром за зло и идущей смело, тихо по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из нее на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире. Да благословит нас Бог и устранил от нас всякую гордость или кичливость, но укрепит нас в чувствах искренней доверенности и надежды на милосердный Промысел Божий!» [7, с. 213].

Существуют расхожие тезисы о том, что такое империя и, в частности, царизм. Историографические книги начала советского периода и середины XX века популяризируют взгляд на Туркманчайский договор и переселение армян как положительное явление, но отрицательной коннотацией наделяют царизм. В наше время этот взгляд становится крайне популярным у псевдоисториков, стремящихся предать забвению доблестные страницы русско-армянского воинского братства и фальсифицировать страницы общей истории в

уюду Западу. Между тем, имперская система в России никогда не носила этнически обусловленной направленности. И даже несмотря на территориальные приращения, которые не являлись прерогативой распространения власти, а лишь защиты границ, никогда не подавляла народы, чья традиции как преемственности веры, так и веротерпимости. Вспомним хотя бы указ императрицы Екатерины II «О терпимости вероисповеданий», принятый ровно 250 лет назад. А представленные в докладе документы и ссылки свидетельствуют о том, что Православная Российская империя существовала в гуманистической парадигме и имела благочестивые намерения. Можно привести множество цитатных выдержек, свидетельствующих об этом, но для примера ограничимся отрывком из Манифеста по случаю войны с Турцией в 1854 году: «Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру Христову и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами. Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся Русская семья – верный Богу и Единородному Сыну Его Искупителю Нашему Иисусу Христу Православный Русский Народ» [7, с. 267].

Литература

1. Дмитриев с. Грибоедов. Тайны смерти Вазир-Мухатара. URL: <https://litmir.club/br/?b=267058&p=18> (дата обра-

шения 02.02.2023).

2. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. Спб: тип. О.И. Бакста, 1869. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/127/uzefovich.pdf> (дата обращения 02.02.2023).

3. Генерал-адъютант граф Паскевич Эриванский. 1828 г. апреля 8-14 – Из журнала военных действий Отдельного Кавказского корпуса. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Prisoed_vost_armenii_II/261-280/273.php (дата обращения 02.02.2023).

4. Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. – Москва: из-во социально экономической литературы, 1959. – 192 с.

5. Тунян В. Г., Х.Е. Лазарев: Жизнь и деяния. 1789–1871. НПУА. – Ер.: из-во «Чартарагет», 2016. – 404 с.

6. 1828 г. мая 26 – Рапорт И. Ф. Паскевича И. И. Дибичу о переселении армян из Персии в Россию URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Prisoed_vost_armenii_II/281-300/286.php (дата обращения 02.02.2023).

7. Боханов А.Н. Императорская Россия в лицах: Николай I. – М.: Вече, 2008. – 464 с.: ил.

Подготовка туркманчайского мира

Тунян Валерий Георгиевич,

д. и.н., профессор,

ведущий научный сотрудник института Истории АН РА.

tunyanvalery@rambler.ru

Ключевые слова: проект мира, подходы, позиции, различие подходов, виды армянской стороны, Туркманчайский мир.

В истории присоединения Закавказья к Российской империи Туркманчайский мир от 10 февраля 1828 г. имеет переломное значение, подготовив окончательное включение южного края. В этом контексте представляется палитра политических и дипломатических усилий, предпринятых самодержавием Российской державы. В 1801 г. царь Александр I осуществил присоединение Грузии (Картли-Кахетинского царства), наметил добровольное подчинение Армении. Подход вызвал противодействие в значительной части грузинской высшей знати и обусловил конфликт на почве амбиций армянских католикосов Даниеля и Давида в Эчмиадзине (1802–1806 гг.). После обсуждения трудностей закрепления южного края в Негласном комитете и Государственном Совете 1802 г. был принят план графа В.Зубова об установлении естественной границы по рекам Аракс, Кура и Риони.

Учитывались трудности политического процесса в реги-

оне и положения дел в Европе. Шахская Персия стремилась сохранить свое доминирование в регионе, что обусловило военные действия с 1804 по 1813 г. На этот путь встал и султан Османской империи Селим III, который в 1805 г. разорвал дружественный договор с Российской державой. Тем не менее важный успех был достигнут Россией в мае 1805 г., когда был подписан Кюрекчайский договор о включении Карабахского ханства в состав Российской империи. Разрыв с Османской империей обусловил войну 1806–1812 гг. Еще больше осложнило ситуацию военно-политическая конфронтация с Наполеоновской Францией.

В этом положении российская дипломатия сумела успешно маневрировать, заключив договора с Османской империей и шахской Персией в мае 1812 г. на основе признания занятых территорий россиянами. По Бухарестскому миру Российская империя, проявив сдержанность в территориальном приращении в Молдавии, получала нейтралитет со стороны Османской империи за сорок дней до вторжения Наполеона в Россию. Персия также Гюлистанским договором в октябре 1813 г. отказалась от притязаний на Карабахское, Бакинское и другие ханства в Восточном Закавказье.

Дипломатия российской стороны диктовалась европейским освободительным походом российских войск в Европу. Однако нерешенность полноценного выхода России к естественным границам региона, поскольку Араратская страна выступом врзалась в закавказские владения, побудила

самодержца Александра I в 1817 г. утвердить Гюлистанский договор. Во внешней политике внимание самодержца с 1821 г. было сконцентрировано на проблеме решения Греческого вопроса с сохранением значимости плана В. Зубова.

В рапорте от 22 июля 1826 г. главноначальствующий в Грузии и занятых персидских провинций А.П. Ермолов вторжение персов представил активностью ереванского сардара Гусейн-хана¹. На это царь Николай I оперативно отреагировал 1 августа 1826 г. По его мнению, Персия игнорировала его стремление «удерживать» Гюлистанский мир между двумя странами. На основе поступившей информации составлено мнение о локальном характере вторжения: «Полагаю, что произошедшие военные действия суть собственное нахальство сардара Эриванского». Предписано занять Ереванскую область: «Вы и 15 т. русских достойный мне залог успехов»².

Имевший военное образование монарх выразил сожаление отсутствием возможности принять личное участие в военной операции: «Был бы Николай Павлович прежний человек (великим князем), может быть явился к вам, у коего в команде в первый раз извлек из ножен шпагу, теперь остается мне надеяться и радоваться известиям о ваших первых

¹ Присоединение Восточной Армении к России (ПВА). Под ред. Ц.П.Агаяна. Ереван, 1978, т.2, № 123, с. 197–199.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.1406, оп.1, д.250, л16.

успехах и наградить тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры»³.

Миролюбивый подход мотивировался «явным возмущением горских народов» против России, политическим напряжением в Европе из-за Греческого вопроса, обострением отношений с Османской империей⁴. 4 апреля 1826 г. был подписан Петербургский протокол с Англией, отводившей последней роль посредника в греко-турецкой войне, намечавший создание автономной Греции. В случае отрицательного подхода к совместной инициативе намечалось «совместное» либо «раздельное» воздействие обеих стран на Высокую Порту вплоть до применения военной силы⁵. К Ермолову были направлены помощниками два авторитетных военных деятеля: ген. И.Ф. Паскевич и Д. Давыдов⁶.

3 сентября кн. В. Мадатов разбил персидский передовой корпус при р. Шамхор и занял без выстрела г. Елизаветполь. 4 сентября Паскевич был назначен начальником отряда, призванного осуществить деблокаду крепости Шуши и преследовать противника до реки Аракс⁷. 13 сентября русские ча-

³ Там же, л.16, 16 об.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX в. (ВПР). Под ред. Н.с. Кинпяиной. М.,1978, с.83, 84.

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М.,1985, т. VI, № 210, с.589, 590.

⁷ Щербатов А.П... Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность.СПб., 1890, т. 2,с.53, 54, 72–75.

сти под командой Паскевича и Мадатова разгромили 35-ти тысячное войско персов с Аббас-Мирзой у Елизаветполя. Паскевич проявил себя тактиком, а Мадатов повел в штыки передовые линии. Снята осада крепости Шуши. Персы были отброшены на исходные позиции⁸.

16 сентября 1826 г. последовала декларация российского правительства об объявлении войны Персии, упразднение Гюлистанского трактата, ведение военных действий до обеспечения безопасности границ державы, вознаграждения военных издержек и установления прочного мира. Задержка заявления диктовалась необходимостью уяснения характера военных действий: «Истинное свойство и цель внезапного нападения на юго-восточные границы России уже не подлежат сомнению»⁹.

Царь Николай I 24 октября 1826 г. санкционировал санацию закавказских провинций Ермоловым и последующий поход в Персию: «Я весьма согласен, что прежде нежели перейти Аракс, лучше очистить наши провинции совершенно от неприятеля, упрочить спокойствие оных и обеспечив продовольствием пойти на дальнейшие действия, внести тогда уже войну в пределы Персии и следовать решительно».

Первоначальной целью кампании поставлено овладение

⁸ Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826–1828 гг. (РАС). Под ред. А.О. Арутюняна. – Вестник Архива Армении. № 2, 1978, N 33, с. 62.

⁹ ВПР, т. VI, N 214, с.601.

Ереванской области: «Недолжно однако же упускать случая, если бы таковой представился к овладению Ереваном – силою ли оружия, посредством денег или тайных сношений с Ереванским сардарем. Я все поручаю вашему усмотрению. Начальник Главного штаба моего сообщит вам подробности моих предположений»¹⁰.

5 января 1827 г. на имя начальника главного штаба И. И. Дибича поступило донесение Ермолова о главных целях предстоящей компании: передовому отряду вменялось занятие Тавриза, а затем оказать содействие другому отряду для овладения Ереваном. Указывалось, что занятие Тавриза может побудить персов к миру, но скорее всего на эту меру персы могли пойти после занятия крепостей в Араратской долине – Еревана, Сардар-Абада и Аббас-Абада. План занятия Еревана и Тавриза мотивировался волей царя.

28 февраля монарху сообщено о начале военных действий с открытия весной горных проходов занять прежде всего Эчмиадзинский монастырь для организации здесь главного этапного пункта до занятия Еревана. Передовой отряд намечалось иметь в составе 6 батальонов пехоты и 12 орудий¹¹. Первочередность занятия Ереванской крепости, которую неудачно дважды осаждали русские войска главнуправляющие региона П.Д. Цицианов в 1804 г. и И.В. Гудович в 1808 г., диктовался направлением из Киева осадного парка

¹⁰ РГАДА, ф. 1460, оп. 1, д. 250, л. 8 об.

¹¹ Там же, д. 344, л. 1, 5, 7, 28 об.

из четырех 24 фунтовых пушек, двух гаубиц 40 фунтовых, 6 мортир большого и 12 кегерновых малого калибра. Прибытие в Грузию осадного парка ожидалось в течение четырех месяцев, а продвижение к Еревану требовало обеспечение его безопасности¹². Учитывался опыт предшествующих осад Ереванской крепости, когда легкие орудия не позволяли успешно завершить осаду.

30 марта 1827 г. Паскевич доложил царю Николаю I, что с этого дня вступил в командование отдельным Кавказским корпусом и руководства главным управление, региона на имеющихся «основаниях»¹³. Смена руководства Кавказского корпуса диктовалось желанием царя Николая I закончить войну с Персией, чтобы сосредоточиться на решении Греческого вопроса и урегулировать отношения с Османской империей. Это обусловило высочайшее повеление Паскевичу ускорить военные действия: «С началом нынешней весны возобновить наступательные действия против Персии». Достижение успеха рассматривалось инструментом воздействий на сопредельные азиатские державы: «Известие о состоянии военных сил наших и неприятельских – подает надежду, что с помощью Божиею, быстротою вашею заставили бы беспокойных соседей наших раскаяться в своем враждеб-

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА), 1018, оп. 2, д. 85, л. 68, 69.

¹³ Там же, оп. 1, д. 2, л. 90.

ном покушении и просить мир»¹⁴.

13 апреля 1827 г. передовой отряд ген. К. Х. Бенкендорфа занял Эчмиадзин и стал заниматься зачисткой окрестностей от неприятеля. Надежда на занятие крепости Сардар-Абад не состоялась¹⁵. 23 апреля он выдвинулся к Ереванской крепости, куда 27 апреля послал «Прокламацию», где жителей «армян, татар и других племен» призвал к принятию подданства Российского престола: «Объявляю вам именем Великого Российского императора, которого я имею счастье быть генерал-адъютантом, что со дня вступления моего в Эчмиадзин, Эриванская и Нахичеванская провинция, принадлежат Российской державе на вечные времена»¹⁶. Нахрапом требовалась сдача крепости. Прокламация, очевидно, ставила целью вызвать сардара Еревана на переговоры, чтобы оговорить условия сдачи либо перехода под российское покровительство. Но сдача не состоялась.

Параллельно стартовал процесс подготовки мирного договора. В апреле 1827 г. начальнику главного штаба И. Дибичу был направлен «Проект мирного договора между Российской империей и Персидскою державою», состоящий из 11 статей, «Проект конвенции о торговых отношениях в виде отдельного акта к договору с Персией, согласно III статьи

¹⁴ Там же, оп. 3, д. 217, л. 1,2.

¹⁵ ПВА, т. 2, N 143, с.248, 249; № 147, с. 259, 260.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.728, оп. 1, д. 1457, л. 65.

оного», а также «дополнительные наставления». Он также уведомлялся о назначении д. ст.с. А. М. Обрезкова для ведения переговоров. Глава внешнеполитического ведомства К. В. Нессельроде отмечал, что проекты утверждены е.и.в. и направлены для реализации Паскевичу, а ему для разных соображений¹⁷.

Проект мирного договора с Персией воплощал план графа Зубова 1802 г. об установлении естественной границы с Персией, что должно было содействовать азиатской торговле России¹⁸. В проекте подчеркивалась геополитическая значимость разделительной межи: «Причина, побуждающая Государя Императора, назначить течение Аракса будущей границей между обоими государствами, основаны не столько на желании присоединить к обширным своим владениям ханства Ереванское и Нахичеванское, сколько по необходимости иметь границу твердую и естественную, которая будет опираться на крепость довольно важную и доставит ощутительные выгоды в отношении политическом и военном»¹⁹.

Требование естественной границы по Араксу указывалось безусловным императивом: «По сему статья, определяющая, чтобы Аракс составлял разъединительную пограничную черту, должна быть постановлением непреложным».

¹⁷ Там же, л. 21–37.

¹⁸ Тунян В.Г. Административно-экономическая политика самодержавия России в Закавказье I пол. XIX в. Ереван, 2003, с.12.

¹⁹ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1457, л.42, 42 об.

Предусматривалось отступление от этого требования за счет правобережной части Ереванского ханства: «Но поелику небольшая часть ханства Ереванского лежит за Араксом, которую было бы выгодным удержать за нами единственно только по тому уважению, что из оной [Кульпинский со-лерудник] снабжается солью Грузия и другая смежная область»²⁰. Тем не менее, допускалась возможность оставить эту правобережную часть Ереванского ханства Персии при условии свободного допуска российских подданных к соли. Вне намеченной русской границы оставлялся Макинский магал Ереванского ханства на правобережье Аракса. Сумма военной контрибуции определялась в 40 млн. руб., включая разные статьи: вознаграждения за военные расходы, возмещения ущерба закавказскому населению, местным хозяйствам, и казенным предприятиям, потерь отдельных лиц и купечества, потерявшему свои товары в самой Персии. Естественно, что контрибуция также преследовал цель ослабить экономический и военный потенциал Тегеранского двора, предупредить вспышку очередной войны между соседними странами²¹.

Паскевич сам готовился к дипломатическим раутам по заключению мира. 4 апреля 1827 г. он назначил дипломата и писателя А.С. Грибоедова руководителем дипломатической канцелярии, вверив отношения с Персией и Османской им-

²⁰ Там же, л. 42 об.

²¹ Там же, 44–46 об.

периями²². Выдвиженец приходился родственником Паскевичу, женатого на двоюродной сестре супруги командующего, но Грибоедов имел опыт деятельности в Персии, знал персидский язык и был знаком с местными обычаями. Доверительные же отношения имели значение для воплощения установок самодержавия России.

24 мая Паскевич из главной квартиры в Джелал-оглу направил царю сообщение о прибытии ст.с. Обрезкова, который до этого служил секретарем миссии в Тоскане и в Риме, для ведения переговоров. Знание обоих дипломатов должны были послужить общему делу.

Наступивший летний зной побудил Паскевича удалиться в Нахичеванское ханство. Паскевич сумел занять 7 июля крепость Аббас-Абад, которую сдал Эксан-хан, сын Калб-Али-хана Нахичевана, за что Паскевич назначил его наибом Аббас-Аббада. Переговоры о сдаче крепости успешно провел Грибоедов²³. За военные успехи Паскевич был удостоен монархом ордена св. Владимира I степени – занятие г. Нахичевана, нанесение поражения Аббас-Мирзе при сражении Джеван-Булаг и покорение крепости Аббас-Аббад²⁴.

Военный успех Паскевича заставил наследного принца

²² Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Под ред. А.П.Берже. Тифлис, 1875, т. 7, № 4, с.2.

²³ А.С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. СПб, 2006, т. 3, с.679..

²⁴ Щербатов А.П... Генерал-фельдмаршал..., т. 2. Приложения к главе VII с.252, 253.

Аббас-Мирзу запросить переговоры. 20 июля 1827 г. Паскевич предписал Грибоедову выехать на переговоры в лагерь Аббас-Мирзы в деревне Каразиадин у р. Аракс. Их несостоятельность обусловила Ошаканское сражение 17 августа 1827 г., где армия Аббас-Мирзы не сумела добиться успеха²⁵. 1 октября 1827 г. состоялась сдача Ереванской крепости²⁶. 13 октября последовало занятие г. Тавриза²⁷. 10 февраля 1828 г. состоялась подписание Туркманчайского мира между Российской империей и шахской Персией на основе разработанных проектов, куда, по инициативе армянской стороны, была внесена статья о возможности переселению персидских армян на территории, отошедшие к российской стороне²⁸.

Таким образом, сложная международная геополитическая ситуация начала XIX в. обусловила относительно длительное время для присоединения Закавказья к Российской империи. В ходе русско-персидской войны 1826–1828 гг. российская сторона сумела эффективно осуществить решение военно-политического противостояния и наметить дипломатическое решение итогов. Коренной перелом в этом процессе имел Туркманчайский мир 1828 г., ставший ре-

²⁵ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф.564, оп. 1, ед. хр. 2, л.1.

²⁶ Тунян В.Г. Х. Е.Лазарев: жизнь и деяния 1789–1871. Ереван, 2016, с.86.

²⁷ 13(25) октября 1827 г. – взятие Тавриза русскими войсками. – <https://ochagsamara.wordpress.com/2016/10/13/1325>

²⁸ Тунян В.Г. Х. Е.Лазарев..., с. 186, 187.

результатом успешной военно-политической деятельности руководящих кругов Российской державы.

Участие декабристов в освобождении Восточной Армении и присоединении ее к Российской империи

*Степанянц Степан Мигранович,
д. и. н. РФ и РА, профессор.
stepan.stepanyants@mail.ru*

После подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 года по приказанию императора Николая I на Кавказ были сосланы 70 разжалованных офицеров – руководителей восстания и более 2800 солдат. Войдя в состав действующего Отдельного Кавказского корпуса почти что все они приняли участие в русско-персидской войне 1826–1828 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

В числе сосланных на Кавказ декабристов были И. Г. Бурцев, М. И. Пущин, Н. Н. Раевский, В. Д. Вольховский, Е. Е. Лачинов, Н. Н. Депрерадович, Н. Н. Семичев, Д. А. Искрицкий, Н. Н. Оржицкий, А. С. Гангеблов, Ф. Г. Вишневский, А. Е. Ринкевич, Н. Г. Цебриков, А. А. Добринский и другие. Все они приняли участие в боевых действиях.

Евдоким Емельянович Лачинов принял участие в сражении у деревни Ошакан, а в августе 1827 года во взятии Сар-

дарапата и Эривани, за что был произведен в унтер-офицеры. Николай Николаевич Депрерадович участвовал в осаде Сардарапата и Эривани. Михаил Иванович Пущин, являясь командиром саперного батальона, принял активное участие в осаде и взятии Эривани. За проявленные храбрость и отвагу при взятии Сардарапатской крепости орденом св. Георгия был награжден декабрист Федор Гаврилович Вишнеvский, а за участие во взятии Эривани был произведен в унтер-офицеры. О доблести декабриста прапорщика Александра Ефимовича Ринкевича в октябре 1827 году царю докладывал лично генерал Паскевич.

Уроженец Белгородчины декабрист Николай Раевский принял участие во взятии крепостей Аббас-Абад, Сардарпат и Эриван, а также в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Сосланные на Кавказ декабристы участвующие в восстании в Санкт-Петербурге на Сенатской площади были собраны в лейб-гвардии сводный полк под командованием декабриста-полковника (в дальнейшем генерал-майора) И. П. Шипова. Этот полк отличился во взятии Эриванской крепости.

1-го октября 1827 года во время взятия Эриванской крепости батальоны сводного полка первыми начали штурм крепости и ворвались в крепость. Бойцы полка показали примеры мужества и отваги и многие были награждены орденами и медалями.

Кроме декабристов собранных в лейб-гвардии Сводном полку рядовые декабристы-солдаты бывшего Черниговско-

го полка Южного общества декабристов были определены в Кабардинский пехотный полк, Навагинский пехотный полк, Ширванский полк, во 2-й батальон Апшеронского пехотного полка и в 43-й Егерский полк.

Среди рядовых солдат-декабристов было много выходцев с Белгородчины. Так, в Кабардинский пехотный полк были определены бывшие солдаты Черниговского полка Степан Касиченко, Яков Брилев, Федор Титюнов, в Апшеронский пехотный полк Лукьян Дубинин, Андрей Тараватов, в Кабардинский пехотный полк Илья Новиков, Иван Шевченко, в Ширванский полк Иван Щербаков, Андрей Попов, Василий Масалов, в Егерский полк Андрей Зинзиров, Дмитрий Карамзин, Марк Сердюков и другие. Все вышеупомянутые полки составили костяк Отдельного Кавказского корпуса осаждавшего и захватившего Эриванскую крепость²⁹.

В начале июня основные силы русской армии под командованием генерала И. Ф. Паскевича достигли Араратской долины, и вошли в Нахичеванское ханство. 7 июля 1827 была захвачена построенная принцем Аббас-Мирзой и считавшаяся неприступной крепость Аббас-Абад. При взятии крепости отличился Н. Н. Муравьев (Карский). При взятии этой крепости у И. Ф. Паскевича в составе Отдельного Кавказского корпуса имелось 4000 пехоты, 3500 кавалерии и 300 пушек. Русские войска захватили в крепости 3000 сарбазов,

²⁹ С. М. Степанянц (Кертох). «Декабристы-белгородцы», Белгородские известия, 13 декабря 2014, № 240

23 орудия, 1000 бочек пороха, 500 центнеров пшеницы. При взятии крепости отличился отряд под командованием князя Эристова, в составе которого проявил себя также генерал-майор барон Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен.

Находясь в лагере при урочище Джангели генерал Афанасий Красовский 12 июля 1827 г. писал в св. Эчмиадзин архиепископу Нерсесу Аштаракеци прося его при получении сведений о продвижении врага прислать их ему через армянина Кзиора Арутинова, а также просил его послать несколько человек – армян для ведения разведывательной деятельности³⁰.

В письме от 16 июля 1827 г. генерал А. Красовский благодарил архиепископа Нерсеса за снабжение 20-й дивизии 350 пудами соли, а также оповещал его о взятии генералом Паскевичем крепости Аббас-Абад. Генерал Красовский также просил уведомить его «в каком теперь направлении главный отряд войск наших»³¹.

В письме от 19 июля 1827 года генерал А. Красовский просит архиепископа Нерсеса послать в сторону Эривани и Сардарапата «для разведания» несколько человек дабы разузнать «в каком состоянии находятся там войска и не имеется ли какого-либо сведения о действиях неприятеля, а также не предполагается ли со стороны оногo какое-либо движение».

³⁰ НАА Ф. 53, д. 175, л. 33–34

³¹ Там же, л. 29–30

Со своей стороны генерал Красовский уведомлял архиепископа Нерсеса в том, что «осадная артиллерия выступает из Тифлиса непременно 20 числа сего месяца и прибудет сюда в первых числах августа»³².

В письме от 29 июля 1827 г. генерал А. Красовский поставил архиепископа Нерсеса в известность о том, что посылает в Эчмиадзин на смену находящегося там в гарнизоне батальона Крымского полка батальон 39-го Егерского полка, а также повозки принадлежащие Армянской дружине для перехода ее в военный лагерь под Джангали. Красовский также просил архиепископа Нерсеса, если он и изволил «получить известие через посыльных в крепости Эривань и Сардар-Абат, то не оставьте принять труд уведомить меня о том с отправляющимся сюда батальоном Крымского полка, причем отправьте и наших посыльных, для получения от меня награждений и для подробнейших расспросов, как у очевидцев там бывших»³³.

В письме от 31 июля 1827 г. генерал Красовский благодарил архиепископа Нерсеса «за известия, доставленные мне посыльным от Вашего высокопреосвященства в Эривань»³⁴.

Генерал беспокоится о нападении персов на представителей армянского духовенства недалеко от Эчмиадзина и не советует отдаляться от монастыря и просит «приказать как

³² Там же.

³³ Там же, л. 31–32.

³⁴ Там же.

всем монашествующим, давно и прочим монастырским жителям, чтобы они никак не отвергали благоразумных мер осторожности», а также требует от военного коменданта «в сады же монастырские находящиеся около монастыря Рипсиме и Шогакат, со всеми следующими туда посылать особое прикрытие не менее, как из 50 человек»³⁵.

Узнав о продвижениях неприятеля генерал Красовский 7 августа пишет архиепископу Нерсесу Аштаракеци следующее: «Теперь я весьма интересуюсь знать, какое намерение неприятеля, собравшегося в лагере при речке Кара-су? Если он приступит к вам, то я по-первому известию тотчас выступлю на помощь со всеми войсками для чего с утра до вечера делается наблюдение с моих передовых постов, и в зрительную трубу видно каждого конного, подъезжающего к монастырю, а между тем и от вас ожидаю частых уведомлений о намерении и движении неприятеля и покорнейше прошу посылать верных людей узнавать как о числе войск, так ровно и о том, куда они намерены идти»³⁶.

Из многочисленной переписки генерала Афанасия Красовского с архиепископом Нерсесом Аштаракеци (будущий католикос Нерсес V) налицо дружеские отношения и полное доверие командования русской армии к представителям армянского духовенства и участие последних в военных действиях и в разведывательной работе на благо русской армии.

³⁵ Там же, л.л. 26,37.

³⁶ Там же, А. 35–36.

Чтобы отвлечь русские войска 4 (16) августа 1827 года принц Аббас-Мирза перейдя Аракс с 25-тысячной армией подступил к Эчмиадзинскому монастырю и 15 августа осадил его. Начальник гарнизона монастыря подполковник Волжанский отклонил ультиматум персов о немедленной сдаче, после чего персы подвергли монастырь интенсивной бомбардировке. Для русского гарнизона (2-го батальона Ширванского (по другим данным Крымский пехотный полк) пехотного полка и больных и раненых монастырского госпиталя) создалось тяжелое положение. Архиепископом Нерсесом Аштаракеци с гонцом была послана весть об осаде командиру дивизии генералу Красовскому находящемуся в предгорьях Арагаца в лагере Джангели, и русские войска поспешили на выручку осажденному гарнизону.

17 августа произошло кровопролитное сражение под Ошаканом (под Аштаракком) между русскими войсками (до 3 тыс. чел., 100 армянских ополченцев и 12 орудий) под командованием генерал-лейтенанта А. И. Красовского и в десять раз превосходящими персидскими войсками под командованием Аббас-Мирзы. Русские войска пробились к Эчмиадзину и сняли осаду монастыря.

По сообщению английского исследователя Дж. Баддели русские «офицеры и солдаты сражались самоотверженно³⁷».

Вместе с отрядом Красовского монастырь освободили и

³⁷ Baddeley J. F. The Russian conquest of the Caucasus (Завоевание Кавказа русскими 1720–1860), М. Центрополиграф [1908], 2011, с. 11.

армянские и грузинские добровольцы.

В битве приняли участие и декабристы в составе 39-го Егерского полка и в их числе капитан М. Соболев, Е. Лачинов и другие.

К концу сражения (5 сентября) генерал Паскевич оставив под Нахичеванью отряд под командованием князя Эристова поспешил к Эчмиадзину. Однако принц Аббас-Мирза спешно покинул поле брани и отошел за Аракс.

Новые боевые действия начались в сентябре. Паскевич окончательно решил завоевать Сардарapat и Эривань.

8-9 сентября 1827 года русские войска двумя колоннами двинулись в сторону Сардарapatской крепости, которую в 1815–1817 гг. построили под руководством французских инженеров на персидской службе. Во главе первой колонны шел сам Паскевич.

13 сентября к Сардарapatу подошел и генерал Красовский, доставивший тяжелые осадные орудия, которые были введены в дело 18 сентября.

Гарнизон крепости состоял из 2 тысяч персов. 15 сентября в крепость проник брат эриванского сардара Гасан-хан и возглавил оборону крепости, однако после применения русскими тяжелой артиллерии 18 сентября он ночью трусливо бежал из крепости.

До того, ночью 15 сентября трое декабристов разжалованных в рядовые Пущин, Коновницын и Дорохов произвели разведку крепости, а по прибытии осадной артиллерии, по

указанию Пущина, была заложена «брешь-батарея».

Сардарapatская крепость не устояла перед огнем осадной артиллерии русских: рухнула южная стена крепости.

Историк В. Потто отметил взятие Сардарapatской крепости: «Паскевич с главными силами вступил в крепость утром 20-го сентября, встреченный армянским духовенством и населением. В крепости взято было 13 орудий, большие зимние запасы хлеба, которые были очень кстати для войск, нуждавшихся в провианте, и было освобождено множество русских пленных».

Об Сардарapatском сражении архиепископ Нерсес Аштракеци свидетельствовал: «Вечером девятнадцатого числа, – накануне 20-го числа, приходящегося на среду, уstraшенный падением южной стены, рухнувшей от снарядов так называемых «осадных» тяжелых орудий, Гасан-хан со всем войском бежал из крепости. Преследуя его, наша конница перебила несколько сот человек, где только настигла их. И так, войдя в крепость, русское войско овладело ею миром, найдя в ней пшеницу, ячмень и различное военное снаряжение»³⁸.

Падению Сардарапата активно содействовали местные армяне, самоотверженно помогавшие осадившим крепость русским войскам.

После падения Сардарapatской крепости генерал Паске-

³⁸ Институт древних рукописей – Матенадаран им. М. Маштоца, полка № 58, документ 133.

вич принял за решение второй основной задачи – освобождение Эривани.

Оборону Эривани возглавил бежавший из Сардарапата брат сардара Эривани Гасан-хан. По его приказу в крепости были собраны 18 тысяч жителей – армян, проживающих в городе и близлежащих деревнях. И с ними установил связь находящийся при русской армии архиепископ Нерсес Аштракеци.

На военном совете, созванном Паскевичем 24 сентября, решено было начать штурм Эривани с юго-восточной стороны³⁹.

Перед самым началом блокады крепости из нее выехал Эриванский сардар намереваясь набрать войско и ударить по русским. Его преследовал полковник Н. Н. Раевский.

После этого генерал И. Ф. Паскевич распорядился подвезти к крепостным стенам тяжелые орудия, часть которых была установлена на правом берегу реки Раздан (Зангу), напротив крепости («холм Паскевича»).

С левой стороны крепость была взята на прицел специальной батареей.

Ранним утром 24-го сентября тяжелая артиллерия русских начала бомбардировку Эриванской крепости. 28-го сентября город обстреливали 14 пушек, а с вечера 30-го сентября уже 40 гаубиц. Только в этот вечер на город упало более 1000 снарядов, из-за чего часть городских зданий была

³⁹ В. Потто. «Кавказская война в очерках» т. III, с. 506.

разрушена или сгорело.

Утром 1-го октября одна русская воинская часть захватила высоты на северо-востоке города, а другой отряд подошел вплотную к северным воротам и вскоре захватил их. Гарнизон крепости состоящий из 4 тысяч сарбазов сдался. Были взяты в плен Гасан-хан и 205 высокопоставленных лиц, захвачено 100 пушек, боеприпасы, провиант и 4 боевых знамени⁴⁰.

1 октября 1827 года над Эриванской крепостью взвился русский флаг.

При взятии Эривани вновь отличился сводный гвардейский полк состоявший из декабристов, выдвигавшийся всегда на самые опасные участки – на прикрытие работ, по которым неприятель вел постоянный огонь, на вылазки и штурм. Во время штурма Эривани Паскевич приказал отправить в бой всех сосланных и разжалованных декабристов, которым поручались наиболее ответственные и смертельно опасные задания. Так, когда под огнем артиллерии рухнула восточная угловая башня крепостной стены и потребовались сведения о ширине и глубине крепостного рва для последнего штурма, был послан декабрист А. Ф. Багговут с двумя солдатами, причем один из солдат тут же был убит во рву⁴¹.

Архиепископ Нерсес Аштаракецци писал о взятии Эриванской крепости следующее: «На третий день (после взя-

⁴⁰ ЦГВИА Ф. ВУА, д. 4312, л. 197–203.

⁴¹ В. Потто. «Кавказская война в очерках», с. 508.

тия Сардарapatской крепости – С. К.) главнокомандующий, оставив в Сардарапате гарнизон, с большим войском поспешил к городу Эривани и, осадив с юго-восточной стороны его крепость, почитаемую азиатами недоступной, с теми же орудиями за шесть дней совершенно разрушил как внешние, так и внутренние ее стены. И на этот раз также впал в панику бессердечный Гасан-хан сбежавший недавно из Сардарапата и ставший здесь главнокомандующим. Потеряв надежду и отчаялся, и не полагался более на восставшее против него войско и население, которые после разрушения крепостных стен были разъярены боязнью всеобщего истребления. Вопреки его воли, они открыли ворота крепости. После этого, надеясь, что найдет убежище в выстроенной его братом новой мельнице, он укрылся в одной из комнат, но был арестован грозным генералом Красовским, вместе со всем своим гарнизоном 1-го октября».

О взятии города-крепости Эриван Х. Абовян в своем романе «Раны Армении» писал: «Стоило русскому солдату ступить ногой в крепость – и в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были открыть уста, так душили их радостные слезы. Но у кого было сердце в груди, тот ясно видел, что эти воздетые руки, эти застывшие, устремленные к небу глаза говорят и без слов, что даже разрушение ада не могло бы иметь для грешников той цены, какую имело взятие Эриванской крепости для армян!»⁴².

⁴² Э. Григорян. «Военные походы русской армии по присоединению Восточной

Армянский народ навсегда сохранил признательность и любовь к русскому народу – освободителю. «И слепым, завистливым людям покажет армянский народ, – писал Х. Абовян, – что он не ради денег или ради корысти почитает имя русской державы, а сердечное свое чаяние выполнить желает – спасителю веры своей и сынов своих не пожалеть отдать и кровь, и жизнь самую, и детей!»⁴³.

За взятие Эривани Николай I даровал генералу И. Ф. Паскевичу звание графа Эриванского и наградил орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

С самого начала боевых действий армяне приняли активное участие в боевых действиях на стороне русских войск. В своем обращении к населению Тифлиса от 24-го мая 1827 года военный губернатор Тифлиса генерал-адъютант Н. М. Сипягин отмечал: «С самого вторжения прошедшего года в наши пределы персидских войск армяне отличились неустрашимостью против врага, непоколебимой твердостью в претерпенны бедствиях...»⁴⁴.

В августе 1827 года были сформированы три боевые армянские добровольческие дружины. Направляясь из Тифлиса в Эривань для присоединения к русской армии в дороге к ним присоединились армяне Эриванского ханства. Небольшие дружины быстро превращались в настоящие полки. Так,

Армении к России», с.69.

⁴³ Х. Абовян. Полное собрание сочинений в 8-ми томах, т. III, Е., 1948, с. 179.

⁴⁴ ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 4338, л. 8.

первая армянская дружина под командованием штабс-капитана Смбатяна, при выступлении 17 мая 1827 года из Тифлиса насчитывавшая 117 бойцов, по прибытии под Эривань насчитывала уже свыше 1000 бойцов. Второй дружиной командовал подпоручик Акимов.

На поле брани армянские ополченцы показывали примеры исключительной стойкости и героизма. Генерал П. Попов заверял: «Армяне сражались и умирали как герои»⁴⁵.

6 октября генерал И. Ф. Паскевич, во главе основных сил Отдельного Кавказского корпуса выступил в поход на Тавриз. Но еще за два дня до этого князь Эристов выступил из Нахичевана и 13 октября почти не встретив сопротивления авангард отряда князя Эристова под командованием барона Д. Е. Остен-Сакена занял Тавриз. Как в самом городе, так и в его крепости, русские захватили боевые трофеи. По взятии Тавриза Остен-Сакена был назначен начальником всех русских войск в Персидском Азербейджане и Тавризе и возглавил местное Азербейджанское правление. Комендантом Тавриза стал декабрист генерал-майор Н. Г. Бурцев.

При виде наступающей русской армии персы во главе с принцем Аббас-Мирзой панически бежали в сторону Тегерана.

После Тавриза русские заняли уезды Хой и Салмаст, а в течении зимы города Марага, Ардебиль и Урмию.

Шах Ирана поторопился заключить с русскими мир. 10

⁴⁵ «История Армении», Е., 2014, с. 267.

февраля 1828 года, на пути из Тавриза в Тегеран, в селе Туркманчай был заключен мирный договор получивший название Туркманчайского. В заключении и разработке этого договора принял непосредственное участие русский дипломат и писатель А. С. Грибоедов.

Согласно Туркманчайскому договору Эриванское и Нахичеванское ханства окончательно переходили к Российской империи, вместе с Ордубатским уездом, однако захваченное русским оружием часть северной Персии вместе со знаменитым армянским монастырем святого Фаддея возвращалась Персии. Это событие вызвало глубокую печаль выдающегося армянского церковного деятеля архиепископа Нерсеса Аштаракеци, так как этот монастырь вместе с Эчмиадзином и Мушским монастырем Св. Иоанна Предтечи являлся символом Армянской церкви.

Персия также лишалась права содержать флот на Каспийском море, и исключительное право плавания в море представлялось лишь России. Помимо этого Персия обязывалась заплатить России 10 куроров туманов (20 млн. рублей серебром) контрибуции в покрытие военных издержек, а также обязывалась не препятствовать возвращению насильственно угнанных армян на территорию Восточной Армении.

Восточная Армения была присоединена к России благодаря храбрости, стойкости и самоотверженности русского солдата и армянского ополченца. Навсегда в историю освобождения Восточной Армении от персидского ига вошли име-

на русских генералов и офицеров: фельдмаршалов И.В. Гудовича и И.Ф. Паскевича, генералов А. Торماسова, П. Небольсина, Д. Давыдова, П. Котляровского, А. Красовского, декабристов И. Бурцева, М. Пущина, К. Раевского и др.

Армения в парадигме восточнохристианской цивилизации: новые вызовы

Аракелова Виктория Александровна,

к. и. н., профессор РАУ,

*заместитель главного редактора международного жур-
нала*

Iran and the Caucasus.

victoria.arakelova@rau.am

По результатам событий, о которых мы говорим, армянский народ и в дальнейшем Армения, как государство, прочно вошло в парадигму современной Восточнохристианской цивилизации. Почему я делаю акцент на современности? Ведь Армения очень давно, еще в Аварайрской битве, явно и недвусмысленно обозначила свой вектор, никому не оставляя сомнений в том, что христианство – выбор исторический, которому суждено стать основным маркером армянской идентичности на протяжении всей истории армянства.

Сегодня именно Восточнохристианский мир остается носителем и защитником традиционных христианских ценностей и христианского кодекса: даже если формальные кодексы – конституции наших стран, правовые документы не маркированы как христианские, очевидно, что пока они базиру-

ются в общем и целом на базовых христианских ценностях, а Восточнохристианские сообщества сохраняют эти ценности как базовые на разных уровнях – от межличностных отношения до национальных праздников. При этом, формальные кодексы – конституции – Западнохристианского мира за последние десятилетия последовательно переписывались в угоду либеральным ценностям. В результате, сложившееся на постхристианском Западе правовое поле создает ситуацию, когда пытающийся жить в постхристианской парадигме человек может оказаться вне закона, не будучи хозяином собственных взглядов даже на уровне внутрисемейных отношений. Западная, постхристианская цивилизация наделяет граждан множеством свобод (реальных и эфемерных), лишая их единственно главной для христианина свободы – свободы от греха, свободы оставаться одновременно законопослушным гражданином и христианином. А ведь практически все западные кодексы – конституции европейских стран и правовые документы – создавались в свое время исключительно на основе базовых христианских ценностей. Столь резкое переписывание кодексов в угоду антихристианским настроениям доказывает лишь одно – Запад живет под диктатом либерального фашизма, не допускающего никакого альтернативного взгляда на ценности, этику, мораль, сакральную историю, кроме как либеральный. Я ни в коем случае не говорю о том, что христианство на Западе мертво. Нет. Об этом говорит и активная христианская позиция

некоторых представителей западных церквей, и даже примеры новомученичества. Я говорю о уже состоявшейся пост-христианской парадигме, ценности которой явно противоречат христианским, да и просто традиционным ценностям иных религий.

Восточнохристианское пространство переживает кризис иного рода, одним из очевидных проявлений которого – военные конфликты в разных его частях. Мы можем сколько угодно рассуждать о работе культуртреггеров-проводников ценностей либерального фашизма, о жестких условиях, которые были наложены международными организациями и банковской сферой на наше общее цивилизационное пространство в обмен на иллюзорные гарантии процветания, а порой даже выживания, о многом, другом, что удалось за последние три десятилетия тем, кто ставит целью если не наше полное уничтожение, то уничтожение реальной христианской парадигмы в наших сообществах. Но проблема ведь не только в тех, кто был активным актором, проводя все это, но и в обществах-реципиентах, обращенных в сообщества потребителей, готовых воспринимать предлагаемые иллюзорные блага, поступаясь своим традиционным стержнем.

В этом контексте нет смысла говорить отдельно о случае Армении. Подобно планетам, вращающимся вокруг солнца по своим орбитам, малые страны-спутники устойчивы, лишь когда держатся своих орбит вокруг цивилизационного центра.

В новый исторический период для Армении и шире – для всего Закавказья – этот центр был определен как раз результатами обсуждаемых сегодня исторических событий – русско-персидских и русско-турецких войн. Армения здесь, безусловно, ключевое звено, маркирующее сразу несколько фронтов, контактных зон – христианского и исламского миров, тюркского, иранского (шиитского) и кавказского... Но все происходившее с Арменией невозможно рассматривать вне процессов, имевших место и в самом цивилизационном центре современной Восточнохристианской цивилизации – России. Подъем религиозного сознания на нашем общем пространстве сопровождался насаждением либеральных ценностей в жестком формате становления самых диких форм антинационально ориентированного капитализма. Сбой ценностного ряда в самом цивилизационном центре не мог не отразиться на периферии, попавшей в тот же поток и не имевшей ресурса противостоять ему (хотя я бы тут ответила, Армения держалась дольше остальных будучи в наименее благоприятных обстоятельствах – наши соседи по региону со своих цивилизационных орбит соскочили решительно, ориентируясь на новые цивилизационные центры и обретая новые векторы: Грузия – прозападный, Азербайджанская Республика – протурецкий). Выравнивание же орбиты Армении невозможно без стабилизации внутри самой России – Восточнохристианского цивилизационного центра, принадлежность к которому Армения не раз доказывала в

самые критические исторические моменты. И именно поэтому здравомыслящий сегмент армянского общества с надеждой смотрит на некие наметившиеся очистительные процессы, которые закономерно должны распространиться на все наше общее цивилизационное пространство, подобно тому, как когда-то, увы, распространились процессы разрушительного характера.

И, наконец, возвращаясь к Восточнохристианской цивилизации, или, как ее еще называют, Русской цивилизации, безусловно, не вкладывая в слово «русский» этнической коннотации, вы, вероятно, заметили, что, рассуждая о стоящих перед ней вызовах, я не упомянула иные религии, в частности, ислам. И это закономерно. В парадигме Русской цивилизации есть органичные ниши не только для христианских народов, но и для мусульман, для представителей иных религий. Идея добрососедства с мусульманскими соседями всегда маркировала и армянство – у армян тут огромный исторический положительный опыт на Ближнем Востоке, в Иране, в Средней и Юго-Восточной Азии – повсюду, где не работает пантюркистский проект, в котором армянству ниши не оставлено. Есть и возможность конструктивного диалога с Западнохристианским миром. Но все это возможно только тогда, когда сильны позиции самой Восточнохристианской цивилизации.

И именно с этой точки зрения стоит говорить о вызовах, стоящих перед нами сегодня.

Один из главных моментов, который я бы хотела озвучить: сегодня, несмотря на ряд проблем, противоречий, системных ошибок и, как следствие, снизившейся степени взаимного доверия и порой непонимания, единственным оплотом Восточнохристианской цивилизации в нашем регионе является армянство. Не удивительно, что против него направлен один из наиболее разрушительных векторов. Если на Ближнем Востоке, в результате войн последних десятилетий, инструментарием которых выступили созданные Западом исламистские прокси, мы наблюдали жесткое преследование и исход всех раннехристианских общин с территорий их формирования и жизни на протяжении двух тысячелетий, то в Закавказье эти процессы касаются, прежде всего, именно армянства. Инструментарием последовательного вытеснения армянства со своих исторических земель в нашем регионе выступает неоосманский тандем в лице Азербайджана и Турции. Более того, там, где армянство уже вытеснено, ведется активная война с армянским духовным и культурным наследием. Начата она не сегодня, но именно сейчас достигла своего апогея. Наследие это огромно настолько, что даже его последовательное стремительное уничтожение – как это произошло с целым культурным пластом, когда в Нихичевани бульдозерами были снесены тысячи средневековых хакчаров и прочих памятников, – все это запротоколировано детально и иранской стороной, и европейскими археологическими обществами). Турецкий опыт исторической За-

падной Армении неприемлем для современного общества: на западноармянских землях, несмотря на активное уничтожение следов армянства, они видны повсюду – от разрушенных храмов до камней с эпитафиями на заброшенных и разворошенных кладбищах.

Так вот, именно невозможность полного физического уничтожения такого огромного культурного слоя – храмов, эпиграфики и прочего, подвигла Азербайджан к политике переатрибуции армянского наследия, так называемой его албанизации. К сожалению, практически не говорится о том, что это проблема не собственно армянская. Все эти памятники маркируют территорию нашего общего Восточнохристианского цивилизационного пространства. Очевидно, что присутствие Русской православной церкви в регионе критически мало, оно совершенно недостаточно в качестве цивилизационного маркера. Этим маркером как раз на протяжении веков выступал армянский культурный сегмент. И именно он соединял регион с Восточнохристианским пространством и цементировал это пространство в Кавказско-Каспийском регионе. Таким образом, конечная цель ДЕАРМЕНИЗАЦИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА – окончательный ВЫВОД Закавказья ИЗ ПАРАДИГМЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Мне доводилось изучать и анализировать некоторые «обоснования» этого процесса и попытки его апологии, что, мол, если не уступить прямо сейчас Азербайджану, Баку пригласит в страну Константинополь-

ский патриархат. Хочу указать не только на зыбкость и полную несостоятельность этого аргумента, но и назвать его антиобоснованием. Все обстоит совсем наоборот! И в проекте деарменизации региона Азербайджан – идеальный инструмент, учитывая, что происходящее ему на руку. Реальные заказчики этого проекта находятся гораздо западнее. И они прекрасно понимают, что пока христианское наследие Азербайджана атрибутировано как армянское, оно остается в парадигме Русской цивилизации – по крайней мере, на метафизическом уровне. А вот как только оно будет переатрибутировано, оторвано от армянства, его можно будет «монетизировать» в любую сторону – хоть константинопольскую, хоть ватиканскую. Это ведь огромный пласт, оставшийся без хозяев, историческое и культурное присутствие которого намного превышает присутствие в регионе РПЦ. Так что, процесс переатрибуции армянского духовного наследия задуман вовсе не в Азербайджане, хотя он и на руку Азербайджану и реализуется через азербайджанское руководство. Задуман он как раз в недрах тех структур, которые больше всего заинтересованы в том, чтобы России в регионе не было даже на уровне метафизики. Теми, кто сегодня противостоит ей на реальных фронтах. Деарменизация в данном случае равна дерусификации, попыткам передать пространство, за которое Восточнохристианская цивилизация билась, под юрисдикцию ее главных оппонентов. Та же метафизическая борьба предвворяла реальные военные действия на Украине,

именно эта метафизическая война, включая церковный раскол, привела к нынешнему кризису – войне вполне осязаемой.

Так что, обсуждая Туркманчайский договор, закрепивший за регионом принадлежность к Русской цивилизации, необходимо учесть и те вызовы, которые стоят перед ней сегодня.

Изучение биографии А.С. Грибоедова как способ актуализации знаний о себе и других

*Бабаян Ануш Гарегиновна,
к. пед. н., профессор РАУ, доцент кафедры психологии.
anush_babayan@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость обращения к изучению биографии выдающихся личностей, в частности – А.С. Грибоедова как важному фактору духовного становления молодежи; показывается значимость и реальность диалогической деятельности «автор – читатель» по решению аксиологических проблем самопознания с учетом сегодняшних реалий; предлагается научно обоснованная модель активизации жизненно-художественного опыта читателя в процессе интерпретации текста.

Ключевые слова: биография, Грибоедов, знания-незнания, автор-читатель, диалог, жизненно-художественный опыт.

STUDYING THE BIOGRAPHY OF A.S.GRIBOYEDOV AS A WAY TO ACTUALIZE KNOWLEDGE ABOUT ONESELF AND OTHERS IN THE CONTEXT OF THE

VALUE DEVELOPMENT OF THE TEXT

A.G.Babayan Armenia, Yerevan, Russian-Armenian University

E-mail: anush_babayan@mail.ru

Annotation. The article substantiates the need to address the study of the biography of outstanding creative personalities, in particular – A.S. Griboyedov as an important factor in the spiritual development of youth; shows the significance and reality of the dialogical activity of "author – reader" to solve axiological problems of personality development, taking into account today's realities; offers a scientifically based model of activating the vital artistic experience of the reader in the process of interpretation text.

Keywords: biography, Griboyedov, knowledge and ignorance, dialogue, author, hero

Тема нашего разговора – наши *знания и незнания* о Грибоедове как о человеке и, быть может, самой загадочной личности своей эпохи. Но прежде попытаемся ответить на вопрос: почему мы так часто обращаемся к исследованию жизни творческих натур, что важно для понимания феномена Грибоедова и что может дать современному читателю система ценностей человека довольно отдаленной эпохи.

Личность Грибоедова и его комедия «Горе от ума» доказали, что даже длительность исторической дистанции – не помеха тому, чтобы, спустя много лет, обнаружилось совпадение внутренних переживаний, поисков и ожиданий чита-

теля и автора, самого текста. По справедливому замечанию исследователей, сама ситуация «Горе от ума», предложенная Грибоедовым в пьесе, «столкновения «странного человека» непохожим, несет в себе столь высокую силу обобщения, что превращается в своеобразную мифологию даже не просто русской жизни – мифологии отношений «человек и толпа» для всех народов и во все века»[5:34]. А признание Чацкого своеобразной моделью в русской культуре помогает читателю заполнить этот миф тем жизненным содержанием, что является актуальным для него самого, поскольку и сегодня Грибоедов и его герои заставляют каждого «заглядывать» в себя, обнаруживая там «милльон терзаний» или некоторые «темные пятна», загадки, а иногда и «фамусовско-молчалинские» качества.

Что ж, это и есть свойство классиков и их произведений: они ответят на те вопросы, которые им зададут. Главное – научиться правильно задавать вопрос, так как «...тексты... внешне даже самые ясные и податливые говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать» [3:38]. Следовательно, нам необходимо помочь современному читателю приобрести наиболее точный ракурс видения, чтобы сформулировать вопрос и вступить в диалог с текстом и личностью автора, да и с самим собой.

Для этого, как нам представляется, необходимо помнить два основных момента: во-первых, всякая личность едина и все жизненные привязанности и антипатии находят

свое продолжение в ее творчестве, во-вторых, как подмечено Л.Н.Толстым, «истинное понимание великих людей состоит в том, что они только примеры и проявление нашей общей природы, показывающие то, что свойственно всем душам, хотя оно и раскрывается лишь в немногих. Свет, исходящий от них, есть не что иное, как слабое откровение той силы, которая таится в каждом человеческом существе. Они не диво, не чудо, но естественное развитие человеческой души» [8]. А личность Грибоедова человека – музыканта, дипломата, заговорщика, поэта, критика, драматурга, экономиста, друга, сына, мужа – настолько яркая сама по себе, настолько отражает эпоху, настолько богата людьми и событиями, что о них стоит не только знать и помнить, но и воспринимать как ценность. С этой точки зрения, на наш взгляд, успешному пониманию феномена Грибоедова и его произведения может содействовать не только сам материал, но и метод изучения биографии писателя.

Полагаем, что изучение биографии должно происходить не до обзора творчества и не параллельно, а в единстве с ним, конечно, если мы ставим перед собой эстетическую задачу: увидеть, как жизнь воплощается в произведение искусства. Важно и то, что является определяющим для художественной системы Грибоедова. Это ценности и антиценности, должное и сущее, ум и глупость, понимание и непонимание, новое и старое, истинное и ложное, прямота взглядов и лицемерие, свободомыслие и низкопоклонство и т. д.

Эти противопоставления выражаются в утверждаемой Грибоедовым системе ценностей, образно-смысловой структуре комедии, ее сюжетных конфликтах. Поэтому в процессе изучения биографии и чтении комедии «Горе от ума» мы ориентируем читателя на то, что он должен исходить из той «системы координат», которую использует сам автор. Что и дает читателю наиболее верные ключи к пониманию текста в процессе интерпретации. Следовательно, представляется возможным изучение биографии А.С.Грибоедова не только в познавательных, но и в аксиологических целях, так как его жизнь не менее волнующее и интересное явление, чем судьба созданного им произведения или героев.

Прежде всего, отметим, что все, что связано с жизнью и творчеством Грибоедова, неизбежно ведет к слову «неизвестно», а некоторые тайны жизни поэта едва ли когда-нибудь будут раскрыты. *Неизвестна* и история замысла пьесы, причем некоторые сведения об этом мы узнаем из письма к *неизвестному* адресату. Короткая, но бурная жизнь писателя до сих пор изучена не до конца, даже о годе его рождения мы не можем точно сказать, т. е. опять *неизвестно*. В официальном документе (послужном списке) в качестве года рождения указан 1790 г., но в других документах указывается и 1794 и 1795 г.г. [4:52] Далее узнаем из различных источников [5], что его мать Анастасия Феодоровна Грибоедова вышла замуж в 1791 г. за своего однофамильца отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова. Он был лично-

стью “незначительную, как говорят о нем данные, поскольку подчинялся во всем полновластной супруге” и не играл по-этому никакой роли в жизни своего знаменитого сына. *Неизвестно*, где он получил образование, где служил, когда умер. Мы знаем только, что он не дожил до смерти сына. Знаем еще, что их семейная жизнь была омрачена ссорами, и отец драматурга жил постоянно отдельно от семьи в своей владимирской деревне, лишь изредка навещая жену и детей в Москве. Однако при сопоставлении первой даты рождения – 1790 г. и даты замужества матери – 1791 г. еще больше мы приближаемся к какой-то тайне, о которой можно строить только догадки, но *неизвестно*, какие могут быть догадки... Добавим, что складывались такие обстоятельства, при которых дважды были уничтожены практически все бумаги Грибоедова. Первый раз – в 1826 году, когда после восстания декабристов он перед своим арестом сам сжег их, затем – во время тегеранской резни 1829 года, когда толпа разгромила русскую миссию уничтожила и бумаги посланника. Одним словом, источниками нашего *знания и незнания* о выдающемся человеке и самой загадочной личности своей эпохи становятся многочисленные воспоминания современников Грибоедова, их переписка и дневники.

Может, справедливое замечание Б.Голлера (автора пьесы «Венок Грибоедову») поможет нам приблизиться к какому-то пониманию личности драматурга? Вот что он пишет: «...его «Горе от ума» – словно пятый постулат Эвклида. Все

«линии жизни» пересекаются здесь. Вся «геометрия» этой личности и этой судьбы строится так или иначе в зависимости от того, как мы понимаем комедию... И строится тем точнее, тем ближе к истине, чем ближе мы в наших представлениях к тому, что он в самом деле хотел (или не хотел) сказать в своей пьесе» [6:111]. А так как «Горе от ума», по мысли Голлера, «прикосновение к неизбывной и трагической абсурдности мира», покрывающей и личную жизнь человека и его социальную практику, то Грибоедов написал «трагикомедию о тщете человеческих усилий и желаний», о том, что «невпопад и не вовремя», о том, что любят не за что-то, а подчиняясь слепому потоку страсти. ...И Грибоедов предстает здесь глубоким, опередившим свое время мыслителем, постигшим обреченность любого радикального социально-политического действия и двусмысленность любого насильственного слома существующего жизненного уклада [6:125]. Именно так, на наш взгляд, попытался подойти к разгадке личности Грибоедова и Дмитрий Кедрин, который делится своими догадками по поводу темы «кризиса», пережитого поэтом в последние годы жизни [6].

Теперь обратимся к стихотворению Д.Кедрина «Грибоедов», с помощью которого попытаемся остановить внимание читателя на его «незнании» и прорваться за слой поверхностного понимания. Другими словами, чтение стихотворения иллюстрирует такой подход к биографии Грибоедова, после которого читатель признает недостаточность своих

знаний и несерьезность толкований замысла комедии. что и заставляет его вновь вернуться к тексту, обернуться к собственным проблемам, задуматься о времени и о себе.

Шесть частей стихотворения представляют собой сжатый рассказ о судьбе Грибоедова. Картины сменяют друг друга, вереницей проходят все события и факты, наблюдения и размышления поэта, связанные с жизнью, творчеством, службой, любовью и гибелью драматурга. Кедрин говорит о жизни Грибоедова, о нем как о личности, которой остается «холод и злость» «от чиновных старух, от язвительных светских уколов», помыкания и клевета начальства – настоящего и бывшего. Его герой не желает «играть в прятки» с самим собой, старается понять: «Чацкий он или только Молчалин?» [7].

Наша попытка разобраться в этом вопросе приводит к поиску ответов на множество других, например: почему Д.Кедрин, называя комедию Грибоедова, использует вариант «Горе уму», а не «Горе от ума»? Какую роль в жизни Грибоедова сыграл «помыкающий» Паскевич? За что он был награжден орденом и почему «почестями опечален»? Что значит пойти против себя, изменить себе? Испытывал ли автор комедии редкие минуты гармонии в собственной душе? Наконец, были ли счастливы Грибоедов?

Известно, что Грибоедов сразу же после войны вышел в отставку, чтобы отдаться давно уже выбранному призванию – поэзии. Но опять ему пришлось считаться с интереса-

ми других: средства существования могла обеспечить только служба. "Что за жизнь!.. – посетует Грибоедов в 1819 году. – Да погибнет день, в который я облекся мундиром иностранной коллегии", в 1826 поймет, что ответа на вопрос: "...Буду ли я когда-нибудь независимым от людей? Зависимость от семейства, другая – от службы, третья – от цели в жизни, которую себе назначил, и, может статься, наперекор судьбе", так и не получит, хотя в 1827-м мечтает он: "...кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь... Я рожден для другого поприща... Поэзия!.. Люблю ее без памяти, страстно" [5]. Но не сможет Грибоедов сбросить мундир и отдаться своему призванию. Не сможет он и равнодушно, механически "исполнять обязанности", так как его будут раздирать противоречия, свойственные людям его ума, положения и мировоззрения. При этом заметим, что Грибоедов находится в постоянной борьбе не с окружающими, а с самим собой, свидетельство тому его потребность «самому быть творцом нравственно улучшенного бытия своего»[9].

С одной стороны, будучи живым, импульсивным человеком, он щедро отдавал ум, дарования, энергию служению отечеству, с другой – по роду деятельности он, чувствующий, думающий, должен был придерживаться главной заповеди дипломата: «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои...» (Ф.И.Тютчев). Как Чацкий, он был убежден в том, что «чины людьми даются, а люди могут обмануться», что

«хорошо там, где нас нет», как литератор, драматург, хорошо знал цену слова, а как дипломат ему приходилось становиться Молчалиным, правда, ему не всегда удавалось «блаженствовать на свете», поскольку он рефлексирующая личность. А это значит, что его история о том, как сложно человеку, сознающему ошибочность выбранного им пути и ищущему возможности преодоления этого противоречия, как трудно постоянно ощущать эту дилемму, как мучительно обнаруживать несоответствие между самооценкой и суждениями «других»...

А что же его герой – Чацкий? Как и полагается влюбленным, он не слишком проницателен, отчего и легко попадает в комическую ситуацию, которая оборачивается трагической для него. Ведь это несовпадение самооценки героя и суда над ним одновременно комично и трагично, а его история о том, какова судьба истины, искренности, подлинной жизни в мире подмен и лжи. Иначе говоря, горе Чацкого исходит от него самого, от его ума, а горе автора – от ума «других». На наш взгляд, именно поэтому в стихотворении, где лирическим героем является Грибоедов, Кедрин называет комедию «Горе уму», а не «Горе от ума». Но самое ужасное, что истинным горем для Грибоедова становится чрезмерная забота его матери о служебной карьере сына через «дядюшек» и «тетушек»... В продолжение всей жизни, он не мог избавиться от этой опеки, которая принуждала его идти против себя, быть может, именно ей был обязан он своей прежде-

временной и трагической смертью. Об этом свидетельствуют факты: «помыкающий» Паскевич и взаимоотношения с ним, грусть по поводу награды и назначения в Персию, выпады Ермолова и возмущение Д.В. Давыдова [7,9],

Попытаемся разобраться, почему он «почестями опечален» и какую из «клевет» имеет в виду Кедрин? Клевету во спасение во время ареста Грибоедова или выпады личного характера Ермолова в последние годы жизни Грибоедова, высказанные в разговоре с А.С. Пушкиным? Поскольку Дмитрий Кедрин описывает период почестей, можно предположить, что, скорее всего, второе.

19 февраля 1822 года Грибоедов зачислен в штат Ермолова в Тифлисе «по дипломатической части». Отношения с Ермоловым были сложные: жестокость по отношению к местным, неприятие чужого мнения охлаждали восторги Грибоедова. 22 января 1826 года фельдъегерь Уклонский прибыл с предписанием об аресте Грибоедова. Ермолов предупредил Грибоедова и дал ему возможность уничтожить компрометирующие документы.

После отставки Ермолова многие ермоловцы остались служить при новом командире, Паскевиче. Грибоедов при Паскевиче имел возможность действовать более активно, реализоваться как талантливый дипломат. Он один из немногих ермоловцев, кто ужился с Паскевичем: во-первых, родственник (Паскевич был женат на его двоюродной сестре), во-вторых, Паскевичем можно было управлять. Грибоедов

имел большое влияние на Паскевича как в отношении персидской кампании, так и в гражданских делах на Кавказе, о чем говорит короткий перечень сделанного им в этот период: он ходатайствовал об облегчении участи декабристов, составил «Положение по управлению экономикой Кавказа», был одним из основателей «Тифлисских ведомостей», при его участии открыт Коммерческий банк и т. д. Ермолов не простил Грибоедова – человека, поэта и дипломата.

Туркманчайский договор 1828 года упрочил русские позиции в Закавказье, способствовал усилению влияния России на Среднем Востоке и подрывал английские позиции в Иране. На Иран налагалась контрибуция в 20 миллионов рублей серебром (*один курур – два миллиона рублей серебром*). На переговорах Грибоедов значился редактором протоколов. Именно он был послан для вручения трактата в Петербург, где и был награжден *чином статского советника, орденом Анны II класса с бриллиантами* и денежной премией. Однако был «почестями опечален», так как понимал, что опасность была очевидна. «Вы еще не знаете этих людей; вы увидите, что дело дойдет до ножей», – напишет Грибоедов.

Из беседы, пересказанной А.С. Пушкиным, мы узнаем, что у Ермолова от стихов Грибоедова «скулы болят». Женитьба на княжне Чавчавадзе была прокомментирована еще более жестко: «Супруг дипломат и в восторгах любви не пойдет прямой дорогой. По крайней мере, доселе не этот был любимый путь». Что это? Клевета или личное мнение Ермо-

лова о Грибоедове, высказанное в нелицеприятной форме? Мнение опального генерала опровергают письма Грибоедова к Нине Чавчавадзе. Понятно, что Ермолов серьезно обижен, и есть за что. Паскевич собирал компрометирующий Ермолова материал, и Грибоедов не остался в стороне. Возмущенный Д.В. Давыдов вспоминает: «В Грибоедове, которого мы до того любили как острого, благородного и талантливого товарища, свершилась неимоверная перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя». Быть может, это и есть причина его печали? Кто знает?

Неизвестно смягчается или усугубляется суровость этого приговора, но *известно*, что на самом деле не честолюбие Грибоедова привело его к ложному шагу, а насильственное подчинение честолюбию матери и бессилие отстоять свою моральную независимость. Имеется в виду случай, когда Настасья Федоровна в церкви на коленях перед сыном требовала, чтобы он согласился на то, о чем она будет просить. Растроганный и взволнованный, Грибоедов дал слово, и тогда она объявила ему, чтоб он ехал служить к Паскевичу. Как видим, сыновнее почтение, затруднительное финансовое положение, в котором оказалась семья, благодаря расточительству матери, заставили его пойти на этот шаг, который поставил его в двусмысленное положение и бросил на него

ть. Хотя это было изменой не столько благодетелю и другу, сколько собственным убеждениям. Ведь сам Грибоедов смеялся над Фамусовым за то, что при нем «служащие чужие очень редки, все больше сестрины, свояченицы детки».

Правда, что «нет на свете печальней измены, чем измена себе самому»... Эта мысль знакома всем, кому приходилось анализировать собственные поступки, оценивать их, искать причины своих ошибок. А Грибоедов был таковым, он всегда хотел быть независимым, чтобы «самому быть творцом нравственно улучшенного бытия своего», о чем писал в письмах не раз. Когда дело касалось государственной важности, он всегда был честен перед собой и данному слову – свидетельство тому его дипломатический подвиг – Туркманчайский договор, но, когда дело касалось просьб очень близких людей... Но кто ж в жизни поступает как должно, а не как получается? Ведь в жизни каждого из нас есть случаи, когда оказываемся в таких сложных жизненных ситуациях, где нужны компромиссы с собой и другими, когда наше желание оставаться чистым не может подкрепиться действием. Быть может, отсюда и его глубокое внутреннее переживание, нравственные муки по возвращении на Кавказ.

Оставляя за рамками статьи множество вопросов, поднятых в стихотворении Д.Кедрина, попробуем поразмыслить вместе с современниками над важным вопросом: был ли счастлив Грибоедов? Что значит быть счастливым для человека мыслящего, чувствующего, творящего?

В последний приезд Грибоедова в Петербург в 1828 году его часто видели вместе с Пушкиным. «Это один из самых умных людей в России», — писал о нем Пушкин. — «... Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году... Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и *неизвестности*. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении... Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгно-

венна и прекрасна» [9].

Грибоедов любим и обласкан судьбой, хоть и не на долгое время, таково мнение его современника. В сущности, так происходило и будет происходить всегда и со всеми, когда вступает в силу мифологема отношений «человек и толпа», когда прикасается человек к неизбывной и трагической абсурдности мира, когда невпопад и не вовремя сталкиваются человеческие усилия и желания. Тогда и получается так, как сказал А.Блок: «Сначала общество пыталось потопить его невзгодами, потом – возвышением и успехом» [2]. Правда, эти слова были высказаны поэтом по поводу судьбы Вагнера, но они применимы и в данном случае.

Так, кто же он: Чацкий или только Молчалин? Все, что мы рассмотрели, слишком мало, чтобы ответить на этот вопрос, поскольку, как мы убедились, в одном слове «Грибоедов» заключено столько неизвестного, что, пожалуй, еще больше недосказанного осталось за рамками статьи. Действительно, выдающиеся личности, творческие натуры «не диво, не чудо, но естественное развитие человеческой души»...и судьба Грибоедова в этом смысле может послужить символом самостроительства не только сегодняшним поэтам, писателям, государственным деятелям, но и молодым людям. Ведь от того, как часто мы “заглядываем в себя” или смотрим на себя “со стороны”, задумываемся над тем, насколько удастся нам быть верными самому себе или в какой степени умеем слушать и слышать, смотреть и видеть,

дышать и чувствовать, зависит наше понимание того, что мы называем преодолением противоречий между человеческими возможностями, его усилиями и желаниями.

Как видим, интерпретация текста представляет собой некий переход от осознания художественного текста к потребности приблизиться к познанию себя, при этом осмысление основных вопросов бытия, вариативность точек зрения на рассматриваемые проблемы, неоднозначность выводов способствуют общению с автором, его героями и обогащению жизненно-художественного опыта читателя.

Список литературы

1. Т.А. Алпатова. «Магия слова» в художественном мире «Горе от ума» А.С.Грибоедова//Литература.– 2004.– № 10.с. 34
2. А.А.Блок. Публицистика, критика, письма, записные книжки. <http://www.google.ru/library.Ru>
3. М.Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, с.38
4. Э.Л.Безносков.А.С.Грибоедов. Биография. Русские писатели. XIX: Биографии. Большой учебный справочник. – М.:Дрофа, 2000. С.52.
5. А.С.Грибоедов в воспоминаниях современников / Под ред. В.Э.Вацуро. – М.,1980.
6. Б.Голлер. Драма одной комедии. //Вопросы литературы-

ры, № 1.-1988. С. 109-145.

7. Д. Кедрин, "Грибоедов" https://45parallel.net/dmitriy_kedrin/ <http://litcult.ru/main>

8. Л.Н.Толстой. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Версия 2.0/ <http://www.cheapsoftware.ru>

Электронные публикации ИРЛИ. Грибоедов. Энциклопедия. <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7443>

Печати российских властей и управлений Армянской области до и после Туркманчайского договора (1827–1841 гг.)

Аветисян Ваэ Гагикович,

к. и. н., профессор Российско-Армянского университета,

Институт востоковедения

slavius1@rambler.ru

Аннотация. Русско-персидская война 1826–1828 гг. имеет судьбоносное значение в истории армянского народа. Она закончилась победой России и заключением Туркманчайского мирного договора, по которому Восточная Армения окончательно вошла в состав Российской империи. Впервые после 1045 г., на территории самой Армении появилось армянское политическое образование – Армянская область, просуществовавшая до 1840 г. Ещё до её создания, на подконтрольных России территориях, начались функционировать временные органы, документы которых должны были иметь соответствующие печати. Однако только единичные дела Армянской области, закреплены печатями. Они носят отпечатки времени, являются источником информации, но при этом постепенно утрачиваются. Поэтому и нуждаются в

изучении и освещении для будущих поколений.

Ключевые слова: Армянская область, Российская империя, Николай I, Башнурашин, печать, проект герба.

6 октября 1827 г., спустя считанные дни после взятия Эривана, командующий российскими войсками И. Паскевич сформировал временный комитет управления городом в составе трёх человек – генерал-лейтенанта Красовского (председатель), подполковника Бородина – комендант крепости и армянского епископа Нерсеса Аштаракеци [1:647–649]. После Туркманчайского мирного договора с Персией – 10 (22) февраля 1828 г., комитет временного управления Эриваном был ликвидирован и Николай I 21 марта 1828 г. одобрил указ о создании Армянской области [7:№ 1794 и 1795], [1:487, док. № 437]. Область делилась на два уезда – Эриванский и Нахичеванский, и один округ – Ордубадский. В каждом округе были свои полицейские, судебные и налоговые департаменты [13:460–461].

При Временном управлении 1827–1828 гг., по всей вероятности, не имелись утверждённые печати. После формирования Армянской области применялись печати с изображением двуглавого орла и надписью: «Печать Армянскаго областного правленія». Об этом можно судить по документам из Национального архива Армении. На деле от 1-го января 1830 г. в журнале записей купчих крепостей, представленных в правление к повторному засвидетельствованию за 1827–1830 гг., поставлена именно такая сургучная печать с

датой «1827 год» [4:л. 34 об.].

Реконструкция

Такой вариант печати по двум основным причинам не соответствовал правилам:

1. Во-первых, по нормам Герольдии на печати должно было быть изображение герба области.
2. Армянская область официально была образована в марте 1828 г.

Сегодня трудно сказать, была ли изготовлена печать до официального образования Армянской области или дата на печати ошибка, поскольку она единственная с датой.

Всё это чётко указывало на временный характер печати, однако ещё долго – вплоть до 1838 г., на некоторых делах администрации края прикладывались такие же печати толь-

ко без даты изготовления и изменённой легендой в соответствии по юрисдикции органа. Например, в деле о бежавшем за границу объездчике Аракеле Абрамове (от 21 сентября 1835 до 21 мая 1838 гг.) многие судебные документы запечатаны подобным сургучным штампом. Из них выделим документ 1835 г. с испорченной надписью [5:л. 22 об.], “Сентенцию о суде над Ованесом Акоповым” от 5 октября 1835 г., на нижней части печати которой читаем – “комм. военн: суда учреж: при Эриванс: орденать гаузе” [5:л. 135 об.]. По качеству сохранности вызывает интерес и депеша в “комиссию военного суда при Эриванском орденат гаузе-учреждению” с сургучной печатью от февраля 1836 г. легендой “Башнурашин. заставы печать” [5:л. 75 об.].

Реконструкция

Такая же прикреплена на деле от мая 1836 г. [5:л. 102 об.]. Печати с гербом не были редкостью в административных учреждениях Российской империи того времени. Их можно найти и на других ведомственных делах и поручениях – отравленных в Закавказье. На это указывает Аттестат от 24 сентября 1835 г. выданного на имя Дмитрия Захарова, переведённого с Херсонского уезда в Ахалцихский пашалик, коллежским секретарём Левицким. Аттестат утверждён чёрным оттиском с гербом и надписью "Начальника Ахалцихского пашалика" [6:л. 4 об.].

Реконструкция автора

Вариант такой печати, как видим, широко использовался, хотя уже в 1833 г. был принят официальный герб Армянской области. В 1832 г. правительственные круги приступи-

ли к созданию герба Армянской области. После доклада министра юстиции Дмитрия Васильевича Дашкова, Николай I-ый поручил разработать герб области. Тщательно был изучен вопрос древних армянских символов, по поводу которого у И. Шопена говорится: "Армения при царях своих не имела постоянного герба и каждая династия употребляла особый: ...цари Гайканской династии имели герб, изображавший семглавого дракона. Аршакуны и Багратуны приняли в гербе своем одноглавого орла, с ...державшего в клюве змею. Впоследствии Тиридат по принятии христианства внёс в герб своего агнца со знаменем креста. Наконец, династия Рупенианов и князя Лузинянские, воцарившиеся в Киликии, употребляли в герб льва, осеняемого крестом" [13:л. 461–462 об.].

В результате обсуждений был составлен сводный рисунок герба, проект которого предложил начальник области князь Василий Осипович Бебутов. Проекты герба предложили также Александр Худобашев и президент Российской Академии наук и Академии художеств А. Оленин. После небольших доработок Николай I 27 февраля (сенатский 20 марта) 1833 г. утвердил рисунок герба Оленина [12:99-100]: "На накладном щите в середине главного изображён на голубом поле серебристый, снежный верх горы Арарата, в серебристых же облаках; на вершине горы ковчег, весь золотой. В нижнем отделении общий герб принимает вид половинчатого разделённого щита, в одной части, направо, в красном по-

ле видна древнейшая корона армянских царей. Корона вся золотая, имеет звезду серебряную и осыпана жемчугом, повязка же и подкладка голубые. В другой части, налево, в зелёном поле изображена церковь Эчмиадзинская, вся серебряная, главы и кресты золотые. В верхнем отделении герба в золотом поле представлен российский орёл, объемлющий и держащий как накладной щит, так и оба нижние подразделения общего щита. Над всем гербом поставлена императорская корона” [2:л. 3-13], [8:№ 6064].

Армянская корона символизирует былое величие Армении. Эчмиадзин говорит о вероисповедании армян, а символы самодержавной России указывали на покровительство империи [2:л. 100–101].

Несмотря на подробное описание герба, его изображение не нашло место в Полном собрании законов Российской империи, однако позднее герб появляется на жалованных грамотах императора, в круглой или в классической для русских гербов форме.

С жалованной грамоты на дворянство А. Брюллову (29.04.1838 г.) [3:л.4].

С жалованной грамоты на дворянство Шмидов (28.03.1841) [11: инв. РѣМу _ 11838 Ar 727.].

Впрочем, печати с государственным гербом продолжились использоваться органами верховной власти на местах. Печать старого типа сохраняется на распоряжении “Исполнительной экспедиции М.В.Д. Верховного Грузинского правительства” отравленное в Армянское областное правление от 28 апреля 1838 г. [4:л. 161 об.], с той разницей, что крылья орла снова были подняты вверх и появились скипетр и держава в лапах.

Сложно сказать, с какого года конкретно начались применяться печати с гербом Армянской области, но самые ранние из них в Архиве Армении относятся к 1838 г. Пока удалось найти два дела с новой печатью – от сентября 1838 г. [б.:л. 70 об.] и 23 января 1840 г. [б.:л. 86 об.].

В личных письмах и обращениях, широко использовались родовые гербы, которые по качеству и сложности оформления, не уступали государственным [5:л. л. 24 об., л. 52 об.]. Даже многие руководители управлений Армянской области на официальных документах ставили личные или родовые печати, как, например, генерал-майор Цебриков на докладе от 18 сентября 1836 г. [6:л. 38 об.].

10 апреля 1840 г. Николай I подписал закон под названием "Учреждение для управления Закавказским краем", по которому Армянская область упразднена, а регион был разделён между Грузино-Имеретинской губернией с центром в Тифлисе и Каспийской областью с центром Шамахи или Шемахи. Области делились на уезды, а уезды – на участки. Эриванский и Нахичеванские провинции с 1 января 1841 г. были включены в состав Грузино-Имеретинской губернии на

правах уездов [9:№ 13368]. Указом императора Николая I от 21 мая 1843 г., были утверждены гербы Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области со всеми своими уездами [10:№ 17061].

Таким образом, основной тип печати Армянской области 1828–1841 гг. представляет собой овально-круглое поле, в центре которого чаще всего помещён двуглавый орёл Российской империи соответствующего периода, ниже которого выбито название административной единицы или учреждения. Печать же с датой 1827 г., по всей вероятности, изготовлена с ошибкой в дате. После утверждения в 1833 г. герба самой области, должны были быть изготовлены новые печати уже непосредственно с гербом области, однако печати старого образца применялись ещё долго. Печати с гербом Армянской области сохранились не так много и первый из них в архиве Армении относится к 1838 г.

Преобразования в Закавказье привели к формированию Эриванской губернии в 1849 г., однако до 1878 г. губерния не имела герба. Только после утверждения новых проектов гербов губерний и областей Российской империи в 1878 г. у Эривана появляться свой герб. До этого момента использовались разные печати, изучение которых ещё впереди.

Армянские земли в административно- территориальном устройстве Персии до Туркманчайского договора

*Евстратов Антон Геннадьевич,
к. и. н., преподаватель кафедры
Всемирной истории и зарубежного регионоведения
Российско-Армянского университета
anton_nastoyashiy@mail.ru*

Аннотация. Территория Восточной Армении, с XVI в. закрепленная за Персидской империей, имела достаточно сложное административно-территориальное деление, которое с одной стороны, способствовало постепенному изъятию из обихода самой памяти об армянской государственности, но с другой – являло собой целиком и полностью часть персидской вертикали власти, в которой армянские земли были, пусть и опосредованно, через феодалных властителей, подчинены центру. Последнее обстоятельство сводит к нулю эффективность исторических манипуляций последних лет, в которых ряд административно-территориальных единиц региона, якобы, предстают, независимыми тюркскими государ-

ствами.

Ключевые слова: Армения, меликство, ханство, беглярбекство, Иран

Как Сефевидское, так и сменившие его афшаридское, зендское и, наконец, каджарское государства Ирана, имели в целом идентичное административно-территориальное деление – пусть и зачастую с разной логикой распределения тех или иных земель, различным количеством и составом административных единиц. В целом Персия с XVI по начало XIX в. (и после тоже, однако наше исследование ограничено временем окончания второй русско-персидской войны и Турманчайским мирным договором) делилась на области (беглярбекства), ханства и махалы (округа, районы). Всеми ими управляли подчиненные шаху чиновники – беглярбеки, ханы, сардары и др., власть которых могла носить и наследственный характер, но обычно, по крайней мере, формально, утверждалась властителем всей страны.

При этом для дополнительного подчинения указанных должностных лиц шахской власти, вместе с ними, на местах работал целый ряд сановников непосредственно подотчетных центру – шейх уль-ислам (глава местного мусульманского шиитского духовенства), джанишины – непосредственные заместители беглярбеков, являвшиеся одновременно ревизорами их работы, везиры, а также ведавшие вакуфами – землями мусульманского духовенства, садры.

Сами беглярбеки, в свою очередь, могли назначать и соб-

ственных чиновников – наибов, на армянонаселенных территориях в правах с которыми были уравнены мелики – представители, собственно, армянской феодальной знати. Они управляли отдельными округами – махаллами, состоявшими из нескольких сел, либо волостей. Несколько махалл сводились в ханство, властитель которого, хан, был по статусу ниже беглярбека, однако подчинялся ему [1: 305]. Время от времени некоторые ханства не входили в беглярбекства, составляя самостоятельные единицы и непосредственно подчиняясь центру. В середине XVIII в., в годы правления Надир-шаха Афшара, в том же положении пребывали пять армянских меликств Карабаха (меликства Хамсы)

Таким образом, можно проследить административно-территориальное деление Персии сверху вниз – центр (во главе шах) – области-вилайеты (во главе беглярбеки) – ханства (во главе ханы) – махаллы (во главе с наибами, меликами и иными представителями местной назначенной, либо феодальной, администрации, напр. минбаши – «тысяцкие» и др.). Низшей ступенью данной структуры представляли отдельные села во главе со старостами (для их обозначения имелся целый ряд терминов – например, юзбаши, «сотник»).

Например, Ереванское ханство состояло из одного города и 15 округов – махал.

Примечательным фактом является то, что пограничные беглярбеки и ханы обладали в своих областях более широкими полномочиями, нежели те же должностные лица ближе

к центру. Считается, что в рассматриваемом нами регионе наиболее влиятельным правителем был к концу в XVIII-нач. XIX в. ереванский хан. Последний факт не удивителен особенно после прихода к власти в Персии династии Каджаров – ведь правители Еревана являлись младшей ветвью данной династии. Еще выше по старшинству считалась ветвь Каджаров Зийад Оглу, правившая в описываемое время Карабахским беглярбекством, распавшимся на Ереванское и ряд других ханств [2: 352].

Если же говорить о Восточной Армении в целом, то она делилась на упомянутое Ереванское, а также на Нахичеванское, Макинское, Карабахское и некоторые другие ханства – Шекинское, Бакинское, Гянджинское, Ширванское. Примечательно, что некоторые армянские округа – в частности, Ширак, Лори и другие, находились под властью восточногрузинского царства Картли-Кахетии, в свою очередь, вассального по отношению к Персидской империи [3:13]. География края была такова, что Грузия оказалась буквально охваченной полукольцом с юга мусульманскими ханствами, однако и сами грузинские земли не были едины – с Картли-Кахетией и между собой враждовали Мингрелия и Имеретия [4: 104].

При Сефевидах в регионе действовали более крупные территориальные объединения – упомянутое выше Карабахское (со столицей в Гяндже) и Чухур-Саадское (с центром в Ереване) беглярбекства. При коротком правлении учре-

жденной Надир-Шахом династии Афшаридов, регион попал под вассальное правление Азербайджанского (Атрпатаканского) беглярбекства [5: 91], а после прихода к власти Каджаров оказались относительно самостоятельными и зависимыми больше непосредственно от Тегерана и шаха. Эта относительность, впрочем, ярко проявилась в том, что накануне военного столкновения с Россией, наследник персидского престола Аббас Мирза, являвшийся также беглярбеком провинции Азербайджан с центром в Табризе, напрямую руководил назначениями и самой деятельностью ханов Восточной Армении.

Есть смысл подробнее коснуться устройства наиболее крупных ханств региона, начав с Ереванского. Как уже было отмечено выше, данная область состояла из 15 махалл (Зангибасарской, Гарнибасарской, Ведибасарской, Шарурской, Сурмалинской, Дерекенд-Парченис, Саадлы, Талинской, Сардарapatской, Сеидли, Кярбибасарской, Апаранской, Деричичакской, Гекча, Гырхбулагской) [6: 15], руководимых в основном мусульманскими правителями, подчиненными хану. Несмотря на то, что армянское население к этому времени стало, вследствие османо-турецких войн Сефевидского периода и сопутствовавших им грабежей, а также сегрегационной политики в отношении христиан со стороны Афшаридов и Каджаров, частых массовых переселений и прочего, в регионе меньшинством, оно составляло значительную часть местного купечества и городского насе-

ления в целом и время от времени играло заметную роль в местной политике. Так, ереванские мелики из рода Мелик-Агамалыанов могли выступать третьими после хана и его заместителя-наследника по значимости светскими руководителями ханства. В их ведении был, помимо чисто административных функций, например, и сбор армянского ополчения [6: 102]. Более того, армяне доминировали практически во всех сферах деятельности, требовавших серьезной профессиональной подготовки – в т. ч. и на селе [Там же: 33].

Нахичеванское ханство, в свою очередь, было примерно в 3–4 раза меньше по населению, нежели Ереванское, и находилось в гораздо большей степени в подчинении губернаторам иранского Азербайджана. Это ханство изначально имело промежуточную ступень административного деления – округа. Изначально таковых было 3 – Ордубадский, Нахичеванский и Даралагезский. Позже осталось 2 округа – Нахичеванский, состоявший из Нахичеванской, Даралагезской, Алинджачайской, Мавизикхатунской и Хокской махал, и Ордубадский, в который вошли Агулисская, Ордубадская, Дастакская, Билавская и Чинанабская махаллы.

Здесь также присутствовало армянское население, ставшее из-за вышеуказанных событий меньшинством, но его влияние было заметно меньше, чем в Ереване или, например, Карабахе. Так, в Нахичеванском ханстве армянские мелики по статусу приближались не к главам махалл, а к сельским старостам [6: 46].

Карабахское ханство, появившееся во многом, благодаря междоусобицам местных меликов, образовывавших ранее подчинявшуюся непосредственно шаху административную единицу «Хамс» или «меликства Хамсы», а с другой – из-за смерти лояльного армянским властителям Карабаха Надир-Шаха и расторопности будущего властителя края Панах Али Хана, к на рубеже XVIII–XIX вв. представляло собой одну из самых сильных административных единиц Персии своего уровня. К 1747 по 1749 гг. карабахские мелики стали вассалами карабахских ханов, сделавших своим стольным городом Шуши. Таким образом, положение армянских феодалов понизилось даже по сравнению с временами до Надир-шаха, когда они непосредственно зависели от беглербеков, сидевших в Гяндже. К началу XIX столетия Карабахское ханство оказывало опосредованное, либо непосредственное влияние на соседние административные единицы – Карадагское, Гянджинское Ардебильское и Нахичеванское ханства.

Несмотря на указанные выше прискорбные для армянского населения края события, его положение в данном регионе было лучше, нежели в упомянутых выше. Несмотря на преобладание в равнинной части Карабаха переселившихся сюда тюркских племен джеваншир, отуз и кебирли в нагорной его части количественно и во всех остальных отношениях доминировало армянское население. Здесь статус армянских меликов был на уровне правителей махалл – беков и наибов, и все 5 находившихся на территории ханства ра-

нее армянских меликств были, по сути, преобразованы в махаллы. Последних всего насчитывалось 21 – Сисиан, Дамир-чихасанлы, Баргюшад, Кябирли, Багабюрд, Кюпара, Джаваншир, Татев, Хачен, Талыш, Чилабюрд, Кёланьлар, Дизак, Пюсиян, Отузики, Дизак-Джаваншир, Ийермидёрд, Хырдапара-Дизак, Аджнан-Тюрк, Варанда [7: 201].

Отметим, что накануне второй русско-персидской войны данное ханство уже принадлежало России по условиям Гюлистанского договора, однако некоторое время сохраняло свое прежнее устройство, в обмен на лояльность России и потеряв 4 махаллы.

В своем внутреннем устройстве, особенно на уровне дворца, ханства в общем и целом дублировали устройство персидского государства в центре – ханы имели совещательные органы (диваны), суд и премьер-министров – везиров. Религиозными делами ведали упомянутые выше шейх уль-исламы.

Надо отметить, что, несмотря на то, что шахи из Тегерана в целом контролировали ситуацию на Южном Кавказе, в условиях феодального государства это не могло быть регулярно и тотально. В итоге местные ханства нередко воевали между собой, оспаривая друг у друга отдельные махаллы. Так, Карабахские ханы в ходе феодальных войн отняли у соседей Капан, Мегри и другие территории. Нередки были и столкновения мусульманских ханств с христианскими царями Грузии.

Во всех упомянутых и других ханствах региона на протяжении всего их существования фиксировался отток армянского населения. Несмотря на то, что после заключения турецко-персидского (Касри-Ширинского) мирного договора 1639 года, переселения и иные геноцидальные акты в отношении армян временно прекратились, политика ханов и их администрации, религиозные притеснения, а впоследствии и неудачные восстания и новые войны (особенно в период Надир-шаха) заставляли их самих сниматься с насиженных мест и уходить в Россию, Грузию, внутренние районы Ирана и на другие территории. Впрочем, тот же Надир-шах не гнушался и привычными со времен османо-сефевидских войн переселениями армянского элемента, выселив, к примеру, 300 семей из Араратской долины и еще несколько сотен семей из Тифлиса в другие области Персии [8: 26]. Имел место отток армян из Карабаха после создания там Карабахского ханства, а также из Араратской долины вследствие политики местного хана Гусейна. Сама логика этнополитических процессов на территории Восточной Армении позволяла легко предположить достаточно скорое размывание армянского этнического элемента и полную деармянизацию региона в случае сохранения там персидского господства.

Таким образом, можно отметить, что Персидское государство, как при Сефевидах, так и при последующих династиях вплоть до Каджаров являлась феодальным государством с соответствующим уровнем развития администра-

тивно-территориального деления. Несмотря на то, что к началу XIX в. устройство империи было сравнительно стройным и оформленным, а все территориальные единицы Восточной Армении и Южного Кавказа в целом признавали верховенство Тегерана и подчинялись персидскому шаху, феодальный характер их зависимости диктовал очевидные особенности местной политики. Так, степень подчинения центру в разные времена была разной, а между соседними ханствами, царствами и даже махаллами случались военные конфликты. Все это позволяет некоторым недобросовестным и политически ангажированным специалистам сделать выводы о существовании в регионе некоей независимой тюркской государственности, что не может всерьез восприниматься ни на уровне науки, ни даже в публицистике и беллетристике. Важным доказательством этому является и текст Туркманчайского, а до того – Гюлистанского договоров, которые представляли собой соглашение между Санкт-Петербургом и Тегераном, Россией и Персией, где они и только они являлись субъектами региональных территориальных переделов. Что же касается судьбы Восточной Армении, то, в условиях явного социально-экономического отставания Персии от ведущих стран того времени, консервирования там феодальных порядков, религиозной сегрегации и притеснений, развитие и даже само сохранение армянского народа на рассматриваемых территориях находилось под вопросом. Можно констатировать прогрессивный характер

разрушение пришедшей в регион Российской империей описанной выше административно-территориальной системы и выстраивания новой парадигмы развития края.

Литература

1. Егиазаров с. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община. Казань, 1889. 352 с.
2. Нестеров А. Г. Каджары Зийадоглу и создание Карабахского беглярбекства в XVI веке / А. Г. Нестеров, М. И. Каджар // Научный диалог. – 2019. – № 6. – с. 351–361.
3. Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в I четверти XVIII в. Издательство Академии наук СССР. М., 1954. 307 с.
4. Куликов А.С. Все кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. М.: Яуза: Эксмо, 2013. 608 с.
5. Тер-Мкртчян Л. Положение армянского народа под игом Надир-Шаха (1736–1747 гг.) // Известия Академии наук Армянской ССР, № 10, 1956. с. 91–98.
6. Bournoutian, George A. The Khanate of Erevan Under Qajar Rule: 1795–1828. – Mazda Publishers, 1992. 355 p.
7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказскою Издан под редакцией председателя Комиссии А. Д. Берже. Тома I–IX. Тифлис, 1866–1881, т. IX, док. 213)/
8. История Абраама Кретаца о современных ему событи-

ях и о Надир-шахе персидском. Вагаршапат, 1870.

9. Парсамян В.А. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ереван, 1978. 69 с.

История рода атабекиянов в эпоху русско-персидских войн и сегодня

Арутюнян Рита Владимировна,

к.т.н.,

rharut57@yahoo.com

Статья основана на материалах, приведенных в трудах военного историка В. Потто, а также на семейных архивах и мемуарах. Описана роль двух братьев, представителей княжеского рода Атабекиянов, в успехе военной операции, известной как «рейд Карягина». Атабекиян русско-персидские войны юзбаши Шах-Булах Потто.

Василий Александрович Потто (1836–1911) – выдающийся русский военный историк, начальник генерального штаба Кавказской армии, генерал-лейтенант. Его многотомный труд, изданный в 1899 году, долгое время оставался важнейшим источником по истории русско-персидских войн. Но только узким специалистам был известен еще один его труд, который называется «Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (мелик Вани и Акоп-юзбаши Атабековы)», изданный в 1902 году в Тифлисе. В книге не только описаны отважные армянские добровольцы из старинной семьи Атабекиянов, но и объективно отображены исторические события первой четверти XIX века.

В. Потто.

ПЕРВЫЕ
ДОБРОВОЛЬЦЫ КАРАБАГА
ВЪ ЭПОХУ
ВОДВОРЕНІЯ РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
(Меликъ-Вани и Акопъ-юзбаши Атабековы)

ТИФЛИСЪ.
Скоропечатни М. Мартиросянца, Михайл. просп., д. № 81
1902.

Родовитость семьи Атабекянов подтверждается актом, выданным Эчмиадзинским монастырем в 1807 году. На древность происхождения рода указывает также и звание юзбаши (сотник), переходившее в этой фамилии наследственно. В старом Карабахе его носили лица из высшего сословия. Полный титул рода Атабекянов: князя Джраберда (ныне Мардакерт), владельцы Кусапата и Царакара. В первой половине XIX века род Атабекянов уже владел обширными территориями, на которых располагалось несколько крепо-

стей и замков и около семидесяти селений. В родовом поместье в деревне Кусапат сохранились развалины дворца (дарбаснер) Атабекянов, а также родовое кладбище.

Печать принца Вани Атабекяна Большой герб княжеского рода Атабекянов правителя Джрaberда, Кусапата и Царакара

Первая русско-персидская война длилась 9 лет, с 1804 по 1813 годы. Сначала был взят Елизаветполь (Гянджа), затем в мае 1805 года был подписан Кюрекчайский договор, по которому к России отходило Карабахское ханство. Персидский шах Фетх-Али из династии Каджаров не мог смириться с такими потерями и вознамерился вернуть Карабах обратно. Он попытался воспользоваться тем обстоятельством, что к тому моменту основные силы России были переброшены

в Европу для ведения войны с наполеоновской Францией. (Не забудем, что в это же десятилетие Россия воевала также с Турцией, Швецией и Англией). Так что летом 1805 года персидское войско численностью 40 тысяч человек под командованием наследного принца Аббас-Мирзы смело форсировало Аракс. В это время границу оборонял 17-й егерский полк майора Д. Лисаневича, который ввиду превосходящего ресурса противника благоразумно отступил в Шушу. Пребывающий в ставке в Гяндже командующий русскими войсками на Кавказе князь П. Цицианов принимает решение выслать навстречу неприятелю другую часть 17-го егерского полка под командованием полковника Павла Михайловича Карягина. Так начался героический поход, вошедший в историю под названием «рейд Карягина».

3 июля (по нов. стилю) 1805 года 493 солдата и офицера с обозом и двумя орудиями вышли из Гянджи по направлению к Шуше на помощь Лисаневичу. Но до Лисаневича они не дошли, и вскоре сами уже были вынуждены запросить у него помощи. Дело в том, что по пути отряд Карягина натолкнулся на большой передовой отряд персов. Дороги вперед и назад оказались заблокированными. Оставалось одно – искать на месте пункт для обороны, ведь в горных условиях правильно выбранная позиция решала дело.

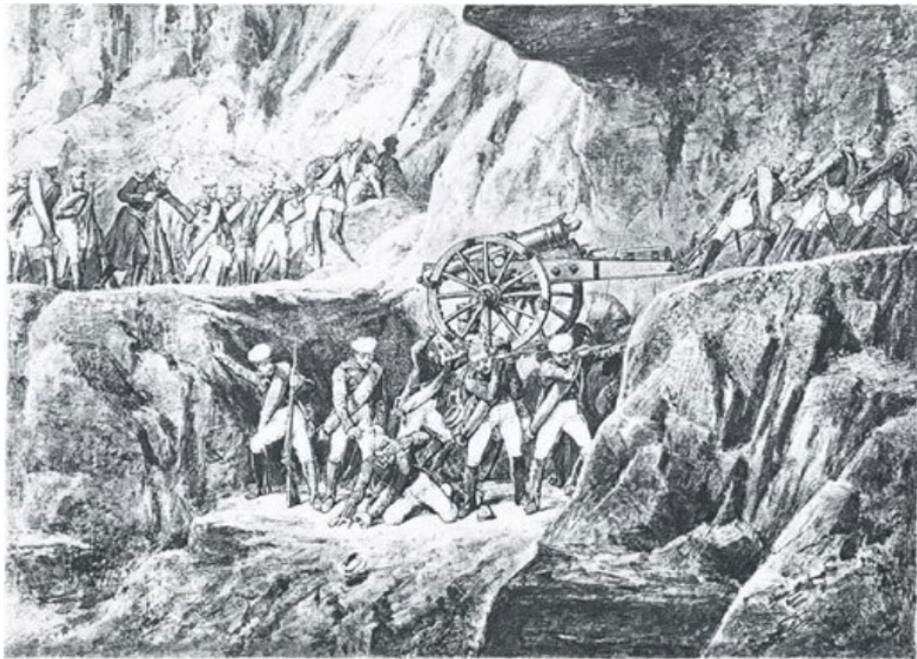
В отряде Карягина и находился наш герой, молодой Аванес Арютинов Атабеков, Вани-юзбаши. В свое время Карягин спас семью Атабекова от разорения. И вот, движимый

чувством благодарности, Вани явился к нему добровольцем, и с этой минуты в полном смысле слова стал спасителем отряда. Великолепно зная всю окрестность, он указал Карягину на высокий холм с раскинувшимся на нем мусульманским кладбищем, и предложил на нем укрепиться. Карягин так и сделал. Персы, ободренные ничтожностью отряда, не замедлили броситься в атаку. Ожесточенные приступы следовали один за другим до наступления ночи. Карягин удержал кладбище, но это стоило ему почти половины отряда. Персы задумали лишить осажденных воды, и с этой целью поставил над рекой 4 батареи фальконетов. «Мы очутились точно в осажденной крепости, – пишет очевидец. Нестерпимый зной истощал наши силы, жажда и голод нас мучили, а выстрелы из батарей не умолкали». С этой минуты потери в отряде стали быстро расти. Сам Карягин был контужен и ранен, большинство офицеров выбыли из строя в первый же день сражения. Командование отрядом перешло к Петру Степановичу Котляревскому, командиру роты. В таком положении прошел еще день, но далее держаться без воды было невозможно. К тому же было получено известие, что на помощь персам подошло 30 тысячное войско. Видя безвыходность положения, Вани вызвался доставить письмо от Карягина к Лисаневичу с просьбой о помощи. Он вышел ночью, пролез мимо сторожевых персидских караулов и добрался до ближайшего армянского поселения. Передав письмо надежному человеку, он вернулся обратно, полагая, что его услуги мо-

гут понадобится русскому отряду. Атаки персиян не ослабевали, к тому же Лисаневич сообщил, что не имеет возможности выйти из Шуши к ним на помощь. Участь отряда висел на волоске: горсть солдат сражалась против 30 тысячного неприятеля. Тогда Карягин принял смелое решение – попытаться совершить прорыв сквозь врага и штурмом захватить неприступную крепость Шах-Булах, которая находилась между Гянджой и Шуши. «Идти напролом нельзя, – сказал Карягину Вани, – но я проведу вас тайными тропами». «А пройдет ли там артиллерия?» «Где не пройдет, там перенесем на руках». В дороге им внезапно встретился персидский конный разъезд. В темноте прозвучали выстрелы, поднялась тревога, но отряду удалось ускользнуть, и к рассвету он стоял под стенами Шах-Булаха. Гарнизон крепости состоял из 150 человек, там все спали. Русские подкатали орудия под самые ворота крепости и дали по ним залп. Ворота рухнули и через брешь отряд ворвался в крепость. Но не прошло и двух часов, как вся персидская армия оказалась возле захваченной крепости. По словам подпоручика П. Ладинского, «в этой ужасной крайности истинный наш благодетель, имя которого должно остаться незабвенным всем, оставшимся в отряде Карягина, верный наш юзбаши, предложил нам достать сколь возможно съестных припасов, а самое главное – известить князя Цицианова о нашем безвыходном положении. Отмечу, что отряд находился в совершенной крайности и уже 4 дня, как питался травой. Но теперь и

травы не было, так как персы всюду выставили пикеты». Ситуацию опять спас Вани: он пробрался за продовольствием в родное село Кусапат на расстоянии 20 верст, где жил его отец. Младшего брата своего, Акопа, он тотчас направил в Елизаветполь с запиской к Цицианову о помощи, а сам принялся с отцом молоть пшеницу и к следующей ночи напек 40 больших хлебов, набрал чесноку и других овощей, и к рассвету все это доставил в Шах-Булах. На следующий день была проведена еще одна вылазка, теперь с Вани отрядили 50 солдат, чтобы запастись большим количеством провианта. Группа наткнулась на вражеский конный разъезд, расправилась со всеми; затем солдаты очистили место стычки, чтобы враг не хватился потери. Отец Вани к тому времени смолот остальную муку, напек хлебов, накормил ими солдат и остальное дал им с собой. По дороге отряд зашел в небольшую крепостцу, где скрывались армяне. Вани купил у них за 60 червонцев, взятых у отца, 12 штук рогатого скота, в окрестностях отыскал вино, фрукты, кислое молоко, овощи и два котла. Все навьючили на быков и благополучно возвратились в Шах-булах. Между тем персы предложили запертому в крепости отряду Карягина почетную капитуляцию. Договорились на том, что Карягин просто оставит Шах-булах. Но куда ему отступать? Все дороги заняты врагом. И опять Вани сослужил службу – посоветовал идти в Мухратаг, замок в горах на расстоянии 25 верст. И не просто посоветовал, а по скрытым тропам и оврагам вывел их из окружения,

да так, что враг долго не сообразил, что крепость уже покинута. На стенах крепости были оставлены часовые, которые еще долго перекликались друг с другом, чем ввели персов в заблуждение, что русский гарнизон еще внутри. Когда отряд отошел на безопасное расстояние, Вани вернулся назад, снял часовых и благополучно привел их к отряду. Положение людей в отряде было отчаянное, три четверти состава были раненые и покалеченные. Но поход ознаменовался неслыханным примером самопожертвования. В одном месте глубокая канава делала невозможным перевезти через нее пушки, а вокруг не была ни дерева, чтобы изготовить мостки. И тут четыре солдата вызвались, чтобы пушки были перетасены по их телам. И легли в канаву. Двое из этих героев были раздавлены насмерть, а двое остались живы. Это был известный подвиг рядового 17-го егерского (позднее – лейб-гвардии Эриванского) полка – Гаврилы Сидорова.

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ СОЛДАТА 17-го ЕГЕРСКОГО ПОЛКА, СИДОРОВА, 2-го ЮЛЯ 1805 Г.

КОГДА СТАЛА ВЕРТАСАНИТЬ ИТОРИЮ БИТВЫ, — ТО ОДИН КОМАНД СОСЛУЖИВЪ СЪ ГЕНЕРАЛЪ И ГРОМЪ КЛАДЯЩО СИДОРОВЪ ВЪ ВНОСЕНЪ.

В Мухратаге отряд Карягина пользовался относительным спокойствием. Вани каждую ночь выходил из крепости и доставлял съестные припасы из окрестных армянских селений. Аббас-Мирза, не сумев задержать Карягина, отошел к Аскерану, оставив на месте 2000-ый отряд для наблюдения за русскими. В это время в Мухратаг пробрался брат Вани, Акоп Атабеков, и принес с собой приказ Цицианова держаться в замке до его прибытия. «С этих пор, — рассказывает Вани, — я дни и ночи сидел вместе с Ладинским на кургане, сторо-

жа появление русских на реке Тертер. Один армянин, посланный Цициановым, пробрался к нам с приказанием соединиться с отрядом». 15 июля князь Цицианов разбил персов и соединился с остатками отряда полковника Карягина.

После Шах-Булахской обороны жители Закавказья стали произносить имя Котляревского не просто с уважением, а с каким-то мистическим трепетом. Борьба против врага, в двадцать раз сильнейшего, казалось им чем-то сверхъестественным. Подвиги братьев Вани и Акопа были оценены по достоинству. Их наградили медалями, денежными премиями, пожаловали в военные чины, снабдили аттестатами и рекомендациями, назначили пожизненные пансионы. В 1819 году Вани во главе собранной им карабахской конницы участвовал в походе генерала Ермолова в Дагестан. К сожалению, до нас не дошло никаких официальных сведений, никаких семейных преданий, по которым можно бы было судить о деятельности мелика Вани в этом походе, и памятником этому остается лишь документ, датированный 1821 годом и подписанный Ермоловым: «Государь Император, вознаграждая отличное усердие ваше к службе и храбрость, показанную в сражении с лезгинами и при разбитии акушинцев, всемилостивейше соизволил пожаловать вам препровождаемую при сем золотую медаль «За храбрость» для ношения на шее, на георгиевской ленте. Я уверен, что вы, получив такой знак монаршей милости, усугубите усердие ваше к службе Его Императорского Величества». Братья актив-

но участвовали и во второй русско-персидской войне. Особо примечательны их действия во время осады Шуши 1826 года. Более того, Вани тогда попал в плен к Аббасу-Мирзе и чудом оттуда вырвался. Об их дальнейшей деятельности, общественной, хозяйственной и военной, подробно рассказывается в книге Потто. Там же приведено большое количество благодарственных документов от разного рода официальных лиц Российской империи. Последний хан Карабахского ханства, будучи в чине генерал-майора российской армии, возвел Вани в достоинство мелика, а Акопа – в звание юзбаши. Государь император признал Атабековых в бекском достоинстве. В их жизни бывали тяжелые, драматические эпизоды, они частенько оказывались на краю гибели. Память о заслугах братьев Атабековых еще долго жила в народе. Роль братьев Атабекианов в победе русского оружия в Закавказье и заключении судьбоносного для Армении Туркманчайского договора, неоспорима.

Братья оставили большое потомство. Их сыновья учились в престижных учебных заведениях России и Европы, занимали высокие должности, достигали профессионального успеха и признания. Одна из ветвей Акопа Атабекова получила от казны взамен карабахских земель поместье на месте теперешнего ереванского аэропорта Звартноц и перебралась в Эриванскую губернию. Дальнейшую историю рода Атабекианов продолжим рассказом о правнучке Акопа, Иосифе Нерсесовиче Атабекове (1870–1916). Во время учебы в сель-

скохозяйственной академии в Германии он увлекся марксизмом, переписывался с Энгельсом, переводил труды марксистов с немецкого языка на армянский. Увлечение марксизмом было пресечено его отцом, и в зрелом возрасте Иосиф стал членом Государственной думы II созыва от партии кадетов. Будучи ученым-агрономом, он с увлечением внедрял прогрессивные новшества в хозяйство своих Эриванских поместий. Но случился финансовый кризис, цены на зерновые резко упали, и И. Н. разорился. Не сумев пережить удара, он покончил с собой. Атабеков был похоронен в Эчмиадзине, во дворе церкви св. Гаяне. Могила сохранилась, надгробие находится рядом с могилой Хента.

Иосиф Атабеков был женат на Елене Авакимовой из родовитой армянской семьи из Дагестана. У Елены и Иосифа было двое сыновей и две дочери. Старший из сыновей, Вани, выбрал карьеру артиллериста, участвовал в боевых действиях в Зап. Армении в годы Первой Мировой войны. С приходом большевиков эмигрировал во Францию, где благополучно устроился, создал семью. До последних дней жизни поддерживал связь с братьями и сестрами в Советской России. Другой сын, Григорий Иосифович, стал известным советским ученым, лауреатом Сталинской премии, доктором технических наук, профессором, зав. кафедрой Теоретических основ электротехники Московского авиационного института. Его сын, Иосиф Григорьевич Атабеков (скончался в 2021 году), был выдающимся вирусологом, академиком РАН

и Академии Европы, дважды лауреатом Госпремии РФ, зав. кафедрой вирусологии МГУ, автор более 300 научных работ. Одна из дочерей Иосифа Нерсесовича, Анаид Иосифовна Атабекова, была профессором Тимирязевской академии, ученицей Н. Вавилова. Вышла замуж за Николая Александровича Майсурияна, академика ВАСХНИЛ, член-корр. АН Армянской ССР. Все эти замечательные потомки Акопа-юзбаши Атабекова никогда не порывали связей с Арменией и по мере возможностей оказывали помощь родине своих предков – Карабаху.

Иосиф Нерсесович Атабеков (1870–1916). Отец

R. Charles

I. PERSP. DE NEVSKY N°78
II. VAS. OSTRVÍS-À-VÍS PONT DE NICOLAS N°25.

Вани Иосифович д'Атабекян (1898–1976). Сын

Григорий Иосифович Атабеков (1908–1966). Сын

Иосиф Григорьевич Атабеков (1934–2021). Внук

Самобытная российская цивилизация

Гурова Евгения Александровна,

ФГБОУ ВО Армавирский государственный педагогический университет,

РФ, г. Армавир, gurova.evgenija@mail.ru

Аннотация: В работе рассмотрен имперский образ жизни и имперская культура как среда, обеспечивающая социокультурный симбиоз и витальность русско-северокавказским отношениям.

Ключевые слова: российская империя, нация, этнос, наднациональность, фронтир, социокультурная парадигма, универсальность.

Российская империя изначально строилась на многонациональной основе, в течение всего своего становления. Социокультурный, этнический и географический полиморфизм был ее данностью. Таким образом, с самого начала империи был принцип административными, военными или иными методами превратить самопроизвольно созданные национально-территориальные образования в единое политическое пространство.

Процесс территориальной экспансии российской государственности был своего рода исторической действительностью.

стью, которая длилась несколько веков. Российская имперская государственность легко адаптировалась и давала всем и каждому социокультурным и политическим, стать частью большого геополитического пространства империи.

Для политической традиции России, концептуальные категории «нация» и «империя» – это однородные понятия.

Российская империя никогда не была государством только русского этноса, она реализовывалась как государство русской имперской нации, в создании которого были включены в течение по крайней мере последних 500 лет многие этнические группы. Универсальность, присущая всей имперским государствам, в России воплощались как наднациональность.

Особенности российского имперского государства его строительства в зоне фронтиров, на границе территорий и культур, которые поглощались метрополией, воспринимавшей фронтиры как собственное продолжение. По этой причине в России никогда не было ясной и жесткой разграничительной линии между колониями и метрополией. В России колониальность и метропольность были явлением временным.

Российская империя предложила всем своим перифериям общее процветание и лучший путь к хорошей жизни. Эту идею активно пропагандировали и ретранслировали местные жители, уполномоченные на то центра представители высшей царской администрации.

Империя гарантировала устойчивый мир и безопасность всем этносам, кто вошел в ее состав. Кроме того, стремилась утвердить одинаковой для всех развития и экономического процветания. Жители имперской периферии имели те же возможности, что и жители имперских центров.

Постепенно приходит экономическая взаимозависимость на всем пространстве. Природный и закрытый характер региональной экономики изменялись расширенным и разнообразным производством местной продукции, а также торговля становится постоянной. Предоставление коллективных благ и повышения степени экономической взаимозависимости в пространстве империи являются важным фактором, примирявшим окраине со своим новым положением.

Многие решения, которые играли важную роль для империи, могли быть принято на ее перифериях.

Важным отличием российского имперского проекта в культурной сфере в отличии от западных аналогов, было почти полное отсутствие каких-либо намеков на этническое превосходство, этнической исключительности, избранность, которые сделали приемлемым для всех, кто так или иначе сталкивался или было обратиться с ним.

Проблема, которая возникает в силу большой культурной дистанции, изначально умножала переживаемый сторонами культурный шок. Реакция со всех сторон были: с российской – желание обозначить неизвестные ей культурные значения, в обычных изображениях и именах; из горской – раз-

рушение, уничтожение новых средств связи, захвата пленных, преследования и казни над представителями их собственной среде за контакт с российской стороны, вооруженное сопротивление.

По этой причине добытые артефакты были изначально носили избранность (приспособленность для общих потребностей), представляя для горцев, если так можно выразиться, культурной экзотики.

Поэтому имперский образ жизни вызвал настороженность среди горского населения. Тем не менее, обмен товара и устойчивые экономические связи и другие отношения, который устанавливались между сторонами, прорываясь через все препятствия, в первую очередь, благодаря культурной деятельности со стороны империи, в самом образе и стиле жизни ее представителей с неизбежностью способствовали взаимодействию культур.

Постепенно, по мере укрепления своих позиций в этом регионе, так и царство обмана различных механизмов включения в себя процесс присоединения новоприобретаемых этно-социального пространств к империи системе культурных ценностей, смыслам и образу жизни. Для облегчения реализации этого процесса пришлось объединить правовые нормы локальных структур с правовыми нормами империи. В этом случае необходимо терпение, благоразумие, знание и опыт.

На начальных этапах межкультурного взаимодействия с

перифериями империя могла использовать традиции местных этносов в свою пользу.

Часть представителей горской элиты направлялась в городские центры России для того, чтобы служить в горских эскадронах и проходить обучения в кадетских зданиях. Во время пребывания в условиях достаточно долгое время, они воспринимали имперский образ жизни, утверждались в своей новой высокой статусности.

В силу понимания того обстоятельства, что культурные основы заложены воспитанием и обучением, имперские власти активно использовали потенциал имперской системе образования, распространяя действие их подготовки округа на территории царской периферии. Создание системы просветительных и культурных учреждений в области присоединяются территорий, имперской власти и соответствующей организационной структуры производится отбор и включения местных элит в системе русско-европейской цивилизации, давая возможность познакомиться и научиться не только достоинства жизни в России, но и в Европе, были в XIX веке лидером мирового успеха и прогресса.

Другой способ усилить влияние в имперской социокультурной парадигмы является приток новопоселенцев.

Важной точкой отсчета для продвижения имперской культуры и имперский стиль жизни переход от использования преимущественно силовых инструментов режиме на диалог.

Появление и существование локальных культур, невоз-

можно предотвратить в силу объективных причин – географического многообразия.

Жизнеспособность и господствующий характер российской имперской культуры проявляется в том, что в центре всегда стоит вопрос о власти. Имея власть в своих руках, имперский центр посылает властные импульсы, к перифериям формулируя для них, с учетом их возможностей цели.

Культурные достижения периферий обогащаются и постоянно получают стимул саморазвитию.

Таким образом, можно утверждать, что русский имперский подход социокультурного освоения полиэтнических периферийных пространств, имел разные по форме и содержанию инструментальные и институциональные образцы. Наиболее важными: надэтничность, отсутствие ксенофобии, участие в совместном проекте, доверие к местным элитам.

Важным компонентом в преобразовательной деятельности Российской империи на ее окраинах осталась и ее социально-культурная парадигма и имперский образ жизни. Открытость и направленность в сторону какой-либо этнической локальности, разрушили все существовавшие преграды.

Введение порядка, мира и спокойствия, расширения равноправных социально-политических и экономических условий на все имперское пространство постепенно содействовали процессу примирения этнических и инокультурных, которые постепенно приобретали характер их общего достоя-

ния.

Литература

1. Аксютин, Ю. М. Имперская культура: система ценностей, символы, ритуал: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01/ Аксютин Юрий Михайлович. – Томск, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://netess.ru/3kulturologiya/575882-1-imperskaya-kultura-sistema-cennostey-simvoli-ritual.php> (Дата обращения: 8.04.2019).
2. Суни, Р. Г. Империя как она есть: имперская Россия, национальное самосознание и теория империи / Р. Г. Суни// *Ab imperio*. – 2001. – № 1–2.
3. Суни, Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теория империи/ Р. Г. Суни // *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина* / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. В. И. Мотузовой. – М.: РОССПЭН, 2011. – с. 31–87.
4. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон / Пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
5. Фуко, М. Правительственность (идея государственного интереса и её генезис)/ М. Фуко/ Пер. с фр. И. Окуневой// *ЛОГОС*, 2003. – № 4–5 (39). – с. 4–22.

Северо-восточное Причерноморье в орбите осmano-российских противоречий первой трети XIX в.

Приймак Юрий Владимирович д.и. н, доцент,

Гурова Евгения Александровна, ФГБОУ ВО Армавирский

государственный педагогический университет,

РФ, г. Армавир,

prijmak1975@mail.ru,

gurova.evgenija@mail.ru

Аннотация: В работе представлены основные направления крымско-османской и российской политики в Северо-Восточном Причерноморье, определявшие, в динамике обоюдного соперничества двух империй, специфику военно-дипломатических, этно-политических и торгово-экономических процессов в регионе.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, осmano-российские противоречия, «Восточный вопрос».

Военный союз Порты с Россией, наметившийся в конце XVIII в., был не долговечен, так как с подписанием в 1801 г. предварительного мира с Францией, присоединением к Амьенскому договору 1802 г. и разгромом в 1806 г. третьей антифранцузской коалиции, Османская империя вновь попала под сильное французское влияние. Особенно актив-

но провоцировал Порту к войне с Россией прибывший в 1806 г. в Стамбул новый французский посол генерал Орас Себастьяни, который подталкивал Порту к союзу с Наполеоном и прельщал султана Селима III возможностью возвратить Крым и все Черноморское побережье [1].

В отличие от Порты, в своей кавказской политике Россия проявляла не только большую самостоятельность, но и сохраняла элементы преемственности в подходах к определению политического статуса земель Северного Кавказа. Так, в русле политики Г.А. Потемкина по созданию постоянной дипломатической конференции, включавшей в свой состав до 49 послов и депутатов от горских народов, действовал и Павел I, который вопреки приписываемому ему слепому антагонизму в отношении политического наследия Екатерины II, предпринимал попытки по практическому воплощению идеи устойчивой «федерации» кавказских владельцев и союзов сельских обществ под эгидой России [2]. В духе преемственности подобного курса действовали российские власти и в правление Александра I, пытавшиеся инициировать 26 декабря 1802 г. в Георгиевске подписание договора, согласно которому кавказские владельцы и горские общества обязались сохранять приверженности России. На международной арене, Россия, при всей заманчивости и реалистичности французских прожектов, последовательно отклоняла провокационные предложения первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта о возможности установления

франко-русского господства на Юге Европы без учета интересов Порты (вплоть до отторжения ее территорий) и реанимации геополитических планов Екатерины II, в том числе относительно свободы торговли в Черноморско-Средиземноморском регионе [4]. Однако этим планам не суждено было сбыться.

При активном участии Франции, считавшей Россию своей основной соперницей в Европе, Порта была вовлечена в очередное противостояние с Российской империей, которое вылилось в абсолютно ненужную для Стамбула, но крайне необходимую для Парижа, османо-русскую войну 1806–1812 гг. Причем сразу после ее начала Порта оказалась заложницей французской дипломатии, которая по условиям Тильзитского договора «благосклонно» предоставила России право завоевать Бессарабию у своего же «союзника» [5]. В свою очередь Россия, опасаясь возрождения французской политики в духе «восточного барьера» (с опорой на Швецию, Польшу и Турцию), сделала все от нее зависящее, в том числе и на Западном Кавказе, чтобы «барьер» не превратился в антироссийский «плацдарм».

С началом войны Северо-Восточное Причерноморье вновь становится ареной ожесточенного экономического, политического и военного противостояния двух империй. Еще до начала боевых действий и вплоть до их прекращения в 1812 году, турецкий паша в Анапе постоянно рассылал к горцам мулл и судей (кадиев), рассчитывая с их помощью

упрочить свое влияние в Черкесии. С этой же целью, другой османский чиновник по имени Сеид-Эфенди развернул активную проосманскую деятельность в Закубанье, всячески поднимая черкесов на борьбу с Россией. К моменту завершения войны и подписания Бухарестского мирного договора, Турция потерпела сокрушительные поражения на всех театрах военных действий, включая Западный Кавказ, что не способствовало упрочению позиций Порты в этом регионе. По условиям Бухарестского мира Османская империя уступала России земли на Пруте и в Закавказье, однако на Северо-Западе Кавказа, ей возвращались все утраченные в ходе войны территории, включая Анапу и Суджук-Кале [6]. Правда фактически в ряде областей левобережной Кубани османы так и не восстановили свой суверенитет, а российские войска в 1820 г., в целях предотвращения разбоев и горских набегов, заняли Кара-Кубань [7].

После войны 1806–1812 гг., османская администрация более основательно приступила к налаживанию прочных связей с адыгской знатью, видя в горских владельцах своих потенциальных союзников, способных привести к повиновению низы черкесских племен. В упрочении военного и политического присутствия Порты на Западном Кавказе была заинтересована и черкесская знать, рассчитывавшая с помощью Порты закрепить свои феодальные права на владение горскими общинами. Так, в 1817 году анапский паша попытался принудить натухайских крестьян присягнуть уз-

дням [9], а князь П. Аходягоко, посетивший Стамбул накануне османо-русской войны 1828–1829 гг., просил султана о присылки дополнительных войск на Северо-Западный Кавказ [10]. Столь пристальное внимание Порты к горцам, особенно к натухайцам, было обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, натухайцы в начале XIX в. являлись наиболее сильной и многочисленной адыгской субэтнической группой, в состав которой влились жанеевцы, а после 1812 года и шегачи, жившие у Анапы. Во-вторых, сама Анапа, располагалась на территории окруженной натухайскими селениями, жители которых, в ходе предыдущей войны с Россией активно поддерживали османский гарнизон крепости, что дало повод Порте рассматривать натухайцев в качестве своих основных союзников. Трудно не согласиться и с мнением А. Х. Бижева, считавшего, что: «В преддверии войны 1828–1829 гг. Турция намеревалась отстоять свой форпост – Анапу, названную султаном «ключом азиатских берегов Черного моря», и для османских властей было очевидно, что в будущей войне русские прежде всего атакуют именно Анапу. Это лишило бы Турцию не только базы на Черноморском побережье, но и возможности противодействовать России «чужими руками» черкесов» [11]. С 1821 по 1826 гг. наместником в Анапе был Гасан-паша, известный своими антирусскими настроениями, основные усилия которого направлялись на возбуждение враждебного отношения горцев к России [12]. В 1825 году депута-

ция черкесов во главе с Бесльний Абатом, посетила Порту, в столице которой, закубанские старшины пытались выяснить степень и перспективы участия Стамбула в делах Прикубанья и Черкесии. С назначением в Анапу в 1826 году нового паши, которым стал Хаджи-Оглы, Турция добилась значительных подвижек в своей политике на Западном Кавказе. Новый анапский наместник активно приступил к сбору налогов, привел к присяге на верность султану некоторых адыгских феодалов, а также отправил в горы 24 эфенди, с целью проведения ряда мероприятий военно-пропагандистского характера [8]. В том же году Анапа стала местом пребывания чеченца Бсйбулата Таймиева, ранее возглавлявшего антироссийское восстание в Чечне, а весной стало известно, что среди непокорных чеченцев скрывается османский эmissар из Анапы, который весьма усердно распространял слухи о скором прибытии на Кавказ турецких войск [14], что можно рассматривать как попытку Порты сделать Северо-Западное побережье Кавказа своеобразным координирующим центром всех враждебных России сил кавказского региона. В 1827 году один из османских чиновников высадился в Джубге, после чего обратился к горцам с призывом поддержать Порту в случае начала войны с русскими [15]. Подобные обращения находили поддержку лишь у части адыгской знати, в то время как основная масса горского населения не проявила должного интереса к планам Порты [16].

Усилия османской дипломатии, нередко вызывали него-

дование у самих горцев, что приводило к частым конфликтам с турецкой администрацией Анапы. Так, в 1827 году шапсуги блокировали Анапу, заявив османскому наместнику Гасан-паше, что они выходят из повиновения Порты. Более того, когда в 1828 году турецкие власти и некоторые горские владельцы попытались переселить адыгов от Кубани к предгорьям, стремясь таким образом оградить их от русского влияния, эти действия натолкнулись на активное сопротивление со стороны населения правобережной Кубани, продемонстрировав наличие серьезных проблем в политике Османской империи на Западном Кавказе [17].

К концу 20-х годов XIX века Османская империя переживала острейший политический и хозяйственно-экономический кризис. С 1824 по 1826 гг. империю потрясли восстания в Греции и Сербии, а вспыхнувший в Стамбуле мятеж янычар, чуть было не стоил жизни султану Махмуду II [18]. И хотя все антиосманские выступления были подавлены, а мятеж в столице страны закончился побоищем янычар и их роспуском [19], положение Турции продолжало стремительно ухудшаться. В 1827 году, объединенный русско-англо-французский флот в Наваринском морском сражении нанес поражение османо-египетскому флоту, поставив Порту на грань катастрофы. Однако, возникшие в рядах союзников серьезные противоречия привели к фактическому распаду коалиции, что было использовано Османской империей в своих целях. В декабре 1828 года, расторгнув все ранее

заклученные османо-российские соглашения, включая Аккерманскую конвенцию от 25 сентября 1826 г., статьи I и IV которой подтверждали условия Бухарестского мира 1812 г. [20], Порта объявила «священную войну» России. По итогам которой, Османская империя потерпела поражение и была вынуждена пойти на заключение Адрианопольского трактата с Россией, подписание которого состоялось 2(14) сентября 1829 года. Для Северо-Западного Кавказа, заключение этого договора имело огромное значение, обусловленное не только тем, что многие статьи соглашения прямо или косвенно затрагивали судьбу Северо-Западного Кавказа, но и фактически подвели итог длительного пребывания Порты на землях Северо-Восточного Причерноморья. Таким образом, Османская империя не только утрачивала права на владение обширными территориями от побережья Западного Кавказа до Кабарды, но и признавала переход этих земель во владения России. Применительно к Северо-Восточному Причерноморью, это означало, что Порта, не только не бросила своих адыгских союзников на произвол судьбы, или как считают некоторые национальные авторы, «на расправу» России, но и совместно с последней, обговорила их послевоенный правовой статус, что в условиях четкого деления горцев на протурецки и пророссийски настроенные партии, могло послужить фундаментом будущих мирных взаимоотношений России с ее новыми подданными, даже при условии, что сами адыги признавали над собой лишь покровительство турец-

кого султана. Большое значение для нормализации политической ситуации на Северо-Западном Кавказе имела и договоренность по которой часть населения бывших османских владений, отошедших по условиям Адрианопольского мирного договора к России, получила разрешение переселиться в пределы Турции, что наряду с содержащимся в XIV статье соглашением об обмене военнопленными и апробированным в условиях Бухарестского мира порядка «перехода» мусульман и христиан из подданства одной империи в другую, явилось своеобразной предтечей массового переселения адыгов в Османскую империю (махаджирство), развернувшегося во второй половине XIX века. В целом, оценивая итоги Адрианопольского трактата как «умеренные» следует согласиться с мнением, что Россия не ставила своей целью расчленив Османскую империю, поставив присоединением Северо-Западного Кавказа к России точку в решении восточного вопроса. С другой стороны, следует признать исторически деструктивными утверждения ряда авторов, которые рассуждая о сомнительной легитимности Адрианопольского трактата, из политических, классовых, а порой русофобских и националистических убеждений пытаются переосмыслить историю народов Кавказа вне рамок целостных государственных и геополитических систем, игнорируя то, что 1829 г. ознаменовал собой юридическое включение Кавказа в состав Российской империи [13]. Осторожность в оценке политических последствий Адрианопольско-

го трактата 1829 г., характерная для сочинений ряда авторов начиная с 30-х гг. XIX в., во многом обуславливалась остротой современной им военно-политической ситуации, складывавшейся на Северо-Западном Кавказе в 30-х – 60-х гг. Как справедливо подметил О.В. Матвеев, считающий 1830 г. началом «Кавказской войны», «отторжение от Турции черноморского берега помещало адыгов в военно-политический «мешок» и неизбежно должно было стимулировать идеи и практику борьбы против России...» [3]. Однако, в военно-политическом «мешке» оказались не все адыги, а лишь приморские горцы, преимущественно натухайцы, шапсуги и абадзехи, что явилось последствием незавершенности военной фазы осmano-российской войны 1828–1829 гг., когда российским командованием было принято решение ограничить активную фазу боевых действий на Западном Кавказе одним лишь взятием Анапы и Суджук-Кале. Ошибочно полагаясь на мирные условия договора с натухайцами, заключенного наказным атаманом Черноморского казачьего Войска А.Д. Безкровным, Россия сохраняла предпосылки для втягивания себя в водоворот затяжного Кавказского кризиса. Это стало очевидно, когда «присяжные» до 1829 г. османам племена (натухайцы, шапсуги и абадзехи) избежав военного поражения, в скором будущем, сыграли роль «хвороста», подбрасываемого в костер «Кавказской войны», во имя интересов европейских держав и реваншистских амбиций деградирующей Порты. А если обра-

тить внимание на то, что основным театром боевых действий «Кавказской войны» на Западном Кавказе, вплоть до 60-х гг. XIX в., оставалась горная зона Черноморского побережья, где сохранившие свой военный потенциал племена, априорно, не собирались соблюдать примат международного права и свои присяжные обязательства перед российской стороной, то отказ России от основательного разгрома части воинственных племен прибрежных горцев, имевших в период войны 1828–1829 гг. статус союзников Порты, не позволил ускорить включение региона в состав империи «малой кровью». «Оставшихся «непокорными» – оценивая реалии 1829 г. совершенно объективно констатировал В.А. Матвеев, – подчиняли силой, «по праву войны», отвечавшему признававшимся тогда в практике международных отношений нормам» [3].

В итоге на процесс осмысления событий конца первой трети XIX в., в последующий период, определенное влияние оказали просчеты в военно-административной политике России на Западном Кавказе, обусловленные развитием вооруженной (насильственной) формы решения конфликта, его расширением и усугублением ввиду вмешательства в кавказские дела европейских государств и отхода части османской правящей элиты от соблюдения условий Адрианопольского мира 1829 г.

Крушение османского владычества в Северо-Восточном Причерноморье, конечно, не означало, что все регионы За-

падного Кавказа, длительное время находившиеся в составе Османской империи, мгновенно выйдут из-под влияния Порты и будут инкорпорированы в состав Российской империи. Однако, лишившись Анапы, Суджук-Кале и других пунктов своего присутствия в Северо-Восточном Причерноморье, Османская империя навсегда утратила возможность прямого воздействия на резко меняющуюся ситуацию в этом регионе. Столь плачевный итог многовекового господства османов в северной части Восточного Причерноморья был обусловлен, прежде всего, просчетами во внутренней и внешней политике Порты допущенными ею в конце XVIII – первой трети XIX вв. Во-первых, Османская империя не смогла выработать эффективной системы административного управления своими владениями на Северо-Западном Кавказе. Во-вторых, Порте так и не удалось вовлечь торгово-хозяйственный потенциал региона в систему внутреннего рынка империи, стимулировать включение Западного Кавказа в товарно-денежные отношения османского государства. В-третьих, на фоне экономического и военно-политического кризиса самой Османской империи, резко возросшая религиозно-идеологическая активность Порты на Западном Кавказе, к первой трети XIX в. отличалась отходом от принципов ненасильственного вживления ислама, став на позиции конфессиональной нетерпимости, сочетавшейся с агрессивностью (панисламизм). Попав под влияние Франции, Порта на рубеже XVIII–XIX вв. не только сде-

лала свою кавказскую политику заложницей русско-французского противостояния в Европе, позволив втянуть себя в войну с Россией 1806–1812 гг., но и упустила реальный шанс сохранить статус-кво османских владений в Северо-Восточном Причерноморье на основе русско-турецких союзных договоров 1799 и 1805 гг.

В итоге, к концу 20-х годов XIX в., ослабленная в военном и экономическом отношении Османская империя, в очередной раз, оказалась на грани раздела своих владений между ведущими европейскими державами, что в совокупности с активной политикой России, в том числе и на Западном Кавказе, обусловило окончательное вытеснение Порты из областей Северо-Восточного Причерноморья в ходе османо-российской войны 1828–1829 гг.

Литература

1. Габоева Л.Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). – Орджоникидзе, 1985. С.136.
2. [Сталь] Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник Сталь в 1852 г. // Кавказский сборник. Т. XXI. – Тифлис, 1900. с. 163.
3. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном

Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 1996. С.21.

4. Беджанов М.Б. Указ. соч. С.31; Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2008. С.36.

5. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. С.5.

6. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); (РОССПЭН), 2004. С. 139–140.

7. Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1876. Т.1. (Пер. с фр.) – Ростов-на/Д., 1995. С.252.

8. Акты Кавказской археографической комиссии. Т.VI. Ч.II. – Тифлис, 1875. С.479.

9. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф.1040. Фонд А.И. Ривопьера. Оп.1. Д.77. Л.5/об; Трактат о заключении мира между Российской империей и Оттоманской Портой подписанный 16 мая 1812 г. в г. Бухаресте. – СПб., 1812. С.

10. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х начале 30-х гг. XIX в. – Майкоп, 1994. С.176.

11. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет,

1994. С.453.

12. Панеш А.Д. Из истории распространения мюридизма на Северо-Западном Кавказе в 40–50 гг. XIX в. // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп: Меоты. 1993. С.40.

13. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. / Сост. Б.М. Керефов и Р.У.Туганов. – Нальчик, 1999. С.41

14. Чеучева, А.К. Политика Турции по отношению к Черкесии в конце XVIII – начале XIX вв. // Информационно-аналитический вестник. Выпуск 8. Майкоп: Меоты. 2004. С.167.

15. Государственный архив Краснодарского края. Ф.261. Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии. Оп.1. Д. 275. Л.1.

16. ГАКК. Ф.249. Канцелярия наказного атамана Черноморского казачьего войска. Оп.1. Д.975. Л.л.43–44; Чеучева А. Указ. соч. С.167.

17. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М.: Госполитиздат, 1948.С.54, 56.

18. Живописные очерки Константинополя (Издатель А.И. Давыдов). – СПб., 1855. С. 37–38.

19. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Юзефович Т. – СПб., 1869. 60–61.